

Roman Timenchik
Сергей Спасский и Ахматова

Поэт и прозаик Сергей Дмитриевич Спасский (1898—1956) известен историкам литературы как литератор, близкий к Андрею Белому¹ и Борису Пастернаку, который его, по замечанию современного биографа «перехваливал»,² что, воля ваша, несколько напоминает классический анекдот «здесь Гете ошибается». Еще Спасский известен и как добрый знакомый Михаила Кузмина, и как автор содержательных, по сегодня с интересом читаемых (к сожалению, не переизданных) воспоминаний о Маяковском и его забытых современниках — московских поэтах 1910-х годов. Известны и два его текста, вошедшие в хронику жизни Ахматовой. Один — критический отзыв, написанный в ноябре 1944 г. и два года спустя, в пору гонений на его героиню, подвергнувшийся осуждению за то, что пытался «дезориентировать и направить на ложный путь развитие нашей поэзии»:³

© Roman Timenchik, 2014.

© TSQ № 50. Fall 2014.

¹ См.: Письма Андрея Белого к С. Д. и С. Г. Спасским / Вст. ст., примеч. Н. Алексеева [Н. А. Богомолова], подгот. текста писем В. С. Спасской // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 642—62; *Спивак М.* Андрей Белый — мистик и советский писатель. М., 2006 (по указателю).

² *Быков Д.* Борис Пастернак. М., 2008. С. 482.

³ *Осовцов С.* Пустая, чуждая поэзия//Вечерний Ленинград. 1946. 5 сентября; ср.: «Стихотворение Ахматовой о мужестве Спасский объявил „словами присяги, данными всей русской литературой“. Эта попытка автора превратить Ахматову в наставницу, в знамя советской поэзии может только повредить развитию современной поэзии и самой Ахматовой» (*Маслин Н.* О литературном журнале «Звезда» // Культура и жизнь. 1946. 10 августа); «Критик-коммунист Е. Добин в своих восхвалениях Ахматовой не отставал от поэта Сергея Спасского, поэта в достаточной мере аполитичного и эстетствующего, или от Б. М. Эйхенбаума, оставшегося в оценке ахматовской поэзии на своих старых формали-

«Краткости стихов можно учиться у Ахматовой. Когда вспоминаешь поэтов, активно работавших в военную пору, возникает представление, что Ахматова сделала много. Я не говорю уже здесь о том, всегда удивительном и радостном чувстве, которое испытывают все любящие нашу литературу, когда оказывается, что в годы народных испытаний тот или иной крупный художник живет одной жизнью с народом. Часто приходится, встречаясь с читателями, столь много вынесенными за годы войны, слышать вопросы об отдельных писателях, что они делают, как откликаются на события. Горько отвечать, что тот или иной писатель не нашел в это время нужных слов. Писатель молчит — это странно и необъяснимо, — в ту пору, когда молчать непростительно. К счастью, такие случаи очень редки.

Ахматова во время войны не молчала. Несколько коротких стихотворений, а действие их сильно и длительно.

В трудном 42 году прозвучало стихотворение о мужестве. Оно сжато, как латинская надпись. Слова присяги, данные всей русской литературой. Каждый писатель подпишется под ними и все те, кто любит родной язык. И речь это душа народа. Сохранить речь не менее важно, чем сохранить территорию. И даже если территория временно отдана врагу, народ, сохранивший свой язык под гнетом, все-таки не побежден и не раздавлен. И он найдет в себе силы отвоевать свою землю. <...> А в стихотворении этом всего 11 спокойных строк, почти бесцветных, ничего не описывающих, ничего не объясняющих. Но чтобы создать их, нужен долгий поэтический опыт.

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,-
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

стических позициях» (Трифорова Т. Об ошибках ленинградских критиков // Ленинградская правда. 1946. 8 сентября).

И другие военные стихи Ахматовой полноценны: «Первый дальнобойный в Ленинграде», «Памяти ленинградского мальчика», «Лондонцам». Все они ждут места во всех антологиях, посвященных Великой Отечественной войне. Но стихотворением «Мужество» будут эти антологии открываться».⁴

Второй его вклад в ахматовиану — два обращенных к Ахматовой стихотворения 1941 года:

I

Ваш образ так оформлен славой,
Так ею властно завершен,
Что стал загадкой, забавой,
Навязчивой легендой он.
Им все обозначают: нежность
И вздохи совести ночной,
Нелегкой смерти неизбежность
И зори северной весной,
Влюбленности глухую смуту
И ревности крошечный дым,
И счастья праздную минуту
И боль от расставанья с ним.
Я тоже, следуя за всеми,
Привычно удивляюсь вам,
Как шумановской грозной теме
Иль Данта знающим словам.
Но вдруг, на время прозревая,
Так радостно припомнить мне —
Вы здесь, вы женщина живая,
И что вам в нашей болтовне.
И мысль тогда всего дороже
Не о звезде, не о цветке,
Но та, что все же будет прожит
Мой век от вас невдалеке.

II

Толпятся густо завтрашние трупы
На улицах в плену дневных трудов.

⁴ РГАЛИ. Ф. 3139. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1—2; *Спасский С.* Письма о поэзии // *Звезда.* 1945. № 1. С. 119.

На небе воют бомбовозов трубы.
Хрустя, крошатся кости городов.
И пыль Европы слоем светлой марли
Заслала солнце.

Загустив на миг,
Склонясь над щебнем, тростью тронет Чарли
Ребенка тельце, тряпку, клочья книг.
Подобно торсам безымянных статуй,
Мир оголен, без рук, без головы.
И это называется расплатой?
Превышен долг...

Бредем и я, и вы...
Присядем у пригорка на распути,
Разломим хлеб. Кому отдать его?
— Земля, воскресни... — Тише, мы не судьи,
Мы — память века. Только и всего.

Сергей Спасский как поэт дебютировал гимназистом в тифлисской газете, а год спустя восемь его стихотворений было принято в местный альманах.⁵ Юноша заявил:

Будем поэтами все.
Будем молиться красе.
Будем всегда влюблены
В сказки, обедни и сны.

Будем безумным огнем.
Будем непонятым сном.
Будем все петь и любить
Жизни звездистую нить.

Будущий попутчик футуризма, он искал в пасторальных тифлисских видах признаков чаемого эпохой урбанизма:

Час ожидания, час грустный, заветный.
Небо огнистою тканью цветет.
Спит ряд домов молчаливо-безвестный,
Сердце томится и ждет.
Тихо. И кажется будто понятна мне
Грусть и тоска фонарей.

⁵ Поросль. Литературно-художественный кавказский альманах. Книга первая. Тифлис. 1913. С. 94—96.

Свет их расплывчато бледными пятнами
Рвется сквозь бархат теней.
Жду и смотрю я на белый, мерцающий,
Тихо играющий газ.
Сладок мне тайной меня увивающий,
Тих ожидания час.
А над домами молчащими носится
Дьяволов тьмы хоровод.
Сердце надеется, рвется и просится.
Сердце томится и ждет.

Посетивший Тифлис Сологуб отметил в одном из стихотворений подражание Вячеславу Иванову.⁶

Четыре года спустя Спасский выпустил в Москве при журнале «Млечный путь» первую свою книгу стихов «Как снег». Заголовок прояснен эпитафией из «На островах» — «Да, есть печальная услада в том, что любовь пройдет, как снег». Константин Большаков начал предисловие к книжке словами:

«Хорошо, что это как снег, хорошо, что есть эпитафия из Блока, и хорошо, что автор не побоялся сравнить свою юность, свои стихи с любовью...

О разве, разве клясться надо
В старинной верности навек.

Пусть так, конечно, так. И это не легкомыслие, не модничанье, не минутный восторг и дань сегодняшним кумирам».

Поклонение Блоку сохранилось у Спасского до конца его дней. Он проводил Блока стихотворением —

И сердцу вновь таинственно ясна
Светящаяся женственность, София, —
Прозрачная и звучная Весна.⁷

⁶ Спасский С. Маяковский и его спутники. Воспоминания. Л., 1940. С. 10. Возможно, речь идет о таком стихотворении: «Я люблю огонь закатный / Необъятный, / Все сжигающий и страстный, / Ярко-красный. / Этот яркий свет алтарный, / Свет янтарный, / Необъятный и случайный / Дышет тайной. / Тайной яркого завета/Бога света, / Тайной светлого мгновенья / Вдохновенья».

⁷ Гельперин Ю. Блок в поэзии его современников // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 586.

Следующей его путеводной звездой в поэзии стал Пастернак. Стихи Спасского 1930-х годов настолько порой похожи на образец,⁸ что однажды это привело к курьезному квипрокво, когда строки Спасского были приписаны Н. Тихоновым источнику влияния, автору строк «нельзя не впасть к концу, как в ересь, в неслыханную простоту»:

«Крупнейшим вопросом поэзии является также вопрос о поэтической простоте. Дело тут заключается не в уничтожении самостоятельности, оригинальности лица поэта, не в подражательности, не в упрощении, а в умелом сочетании всей суммы поэтических приемов с внутренним замыслом произведения. Эту простоту можно назвать сложной простотой. Этот принцип сложной простоты хорошо выражен Пастернаком:

И приходим мы однажды
К заповеданной версте,
Где томиться должен каждый
О труднейшей простоте».⁹

Когда промах был замечен, Тихонов поспешил его исправить:

«Даже у поэтов, у коих сложность построения стиха и затрудненность стихового дыхания были свойствами органическими, является как необходимость это ощущение. Борис Пастернак объявил об этом во всеуслышание. Ленинградский его последователь в плане метода — Спасский в книге стихов «Да», подтверждает и разделяет это положение.

И приходим мы однажды
К заповеданной версте,
Где томиться должен каждый
О труднейшей простоте».¹⁰

⁸ Он и впоследствии подключался к поэтической системе Пастернака, и даже стихотворение, написанное в Переделкине в сентябре 1949 года, пророчит о пастернаковском «Августе» 1953 года: «С холма спускался крестный ход, / Был августовский Спас...» (РГАЛИ. Ф. 3139. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 32—33).

⁹ Тихонов Н. О советской поэзии // Ленинградская правда. 1934. 4 августа.

Поздняя Ахматова до поры не была Спасскому известна, хотя в 1933 году он переписывает в дневник «ненапечатанные стихи Ахматовой, случайно попавшие в руки»: «Когда я ночью жду ее прихода», «Здесь Пушкина изнание началось», «Если плещется лунная жуть». Но она сама, всегда отмечавшая созвучие своих стихов поэтическим мотивам современников, нашла сходство у себя («Уже безумие крылом...») со стихотворением Спасского:

И все-таки сойти с ума
Так просто, так легко.
Ни телефона, ни письма,
Ты страшно далеко.

Нет сил утомонить тоску,
Хоть смейся, хоть заплачь.
Ты здесь ступала по песку,
Шла мимо этих дач.

И тот же шелестит залив,
И сладостно-покат,
Все те же краски повторив,
Такой же спит закат.

Но как же, как же мне извлечь
Из этой тишины
Твои глаза, улыбку, речь,
Что так душе нужны?

¹⁰ Тихонов Н. О ленинградских поэтах (Некоторые материалы к докладу о поэзии) // Ленинградская правда. 1934. 8 августа. Продолжение стихотворения Спасского:

Чтоб без трещин, без бороздок
Был бы чист изгиб строки,
Чтобы мысль входила в воздух.
Как журчание реки.

И чтоб кто-то вспомнил фразу,
Умирая на войне,
Ту, что выкормил мой разум
В напряженной тишине.

Меж сосен спрятались дома.
Жила ты в доме том.
И тихо я схожу с ума,
Смотря на темный дом.¹¹

Спасский пережил первую блокадную зиму в Ленинграде, писал стихи, отражавшие ужасающий опыт этой зимы («Это пассивная лирика, — заметил внутренний рецензент П. Г. Антокольский. — В ней много страдальческой и чуть истеричной растерянности»¹²). В послевоенные годы он занимался, в основном, оперными либретто.

8 января 1951 г. он был арестован и по решению ОСО при МГБ получил 10 лет лагерей. Ахматова сообщила его падчерице, Наталье Роскиной, об аресте.¹³ Возможно, именно в лагере написано его стихотворение:

Пусть я — мельчайшая пылинка,
Чей вес равняется нулю,
Не прекращаю поединка
И ни на шаг не отступлю.

Спокойной веры не нарушу,
Чуть блещут проблески зари, —
Я знаю, выступит наружу
Все, затаенное внутри.

Пусть задохнется песня эта,
И отзвука не получу,
Но и безмолвие поэта —
Укор и вызов палачу.¹⁴

В начале ноября 1952 г. он оказался в лагере в поселке Абезь, где находился и Н. Н. Пунин, умерший там 21 августа 1953 года.

¹¹ Спасский С. Земное время. Избранные стихи. Л., 1971. С. 140—141. Слова «сладостно-покат» должны были ей показаться знакомыми — в ее стихотворении «Знаю, знаю — снова лыжи...» (1913): «Луг так сладостно покат».

¹² РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 10. Ед. хр. 10. Л. 48.

¹³ Роскина Н. Четыре главы. Париж, 1980. С. 93.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 3139. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 42.

18 сентября Спасский писал своей последней жене А. И. Поповой-Журавленко:¹⁵ «Было бы очень важно, если б ты или Вероничка передали мое искреннее соболезнование Анне Андреевне по поводу внезапной кончины ее бывшего мужа». ¹⁶ Он был освобожден 20 октября 1954 года в виду полного прекращения дела. Л. В. Шапорина записала 2 декабря 1954 года: «О возвращении Спасского мне сказала Ахматова, вызвав меня к себе, т. к. лежала больная. Спасский у нее был и рассказал, что его высылка была последствием все тех же наговоров Лившица и Юркуна, из-за которых пострадала Тагер. Будто бы они показали, что террористический заговор охватывает чуть ли не весь Союз писателей с Тихоновым во главе». ¹⁷ Прожил он после освобождения недолго. Подпись Ахматовой стоит под некрологом ему. ¹⁸

В 1933—1943 и 1955—1956 гг. он вел дневник. ¹⁹ Критик замечал о стихах Спасского: «Я глаз очевидца», — говорил о себе поэт. И как явствует из его лирических монологов, глаз очевидца взволнованного, внимательного, деятельного». ²⁰ Почти без поправок то же самое можно сказать о его дневниках. 14 июля 1942 г. он записал: «...хорошо, если б эта тетрадь сохранилась, и после моей смерти кто-нибудь бы с трудом разобрал мой почерк и занялся бы ею, хотя многое только в намеках, понятных мне одному и для других недоступных». ²¹ И впрямь, в дневнике

¹⁵ Об оперной певице и исполнительнице камерной вокальной литературы Антонине Ивановне Поповой-Журавленко (1896—1981) см.: *Пружанский А. М. Отечественные певцы. 1750—1917. Словарь. Ч. 1. М., 1991. С. 406.* Она, по-видимому, была прототипом певицы меццо-сопрано с «полноводным голосом» Ольги Владимировны Калашниковой в романе «1916 год». Ср. о ней: «тонко ощущает взаимодействие музыки и слова, достигая свежести и своеобразия в трактовке многих произведений, имеющих уже сложившуюся традицию исполнения» (*Беляков М. Камерный концерт Поповой-Журавленко // Вечерний Ленинград. 1946. 2 июня.*).

¹⁶ РГАЛИ, Ф. 3139. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 22—22об.

¹⁷ *Шапорина Л. В. Дневник. Т. 2. М., 2011. С. 275.*

¹⁸ Ленинградская правда. 1956. 28 августа.

¹⁹ РГАЛИ, Ф. 3139. Оп. 1. Ед. хр. 51, 52, 56.

²⁰ *Урбан А. По земному времени // Ленинградская правда. 1971. 13 августа.*

²¹ Почерк действительно не из легких, поэтому сегодняшний публикатор не во всех разобранных словах уверен. Так, например, в записи от 2 апреля 1941 г.

не увидишь следов «большого террора», нет упоминания об аресте жены Софьи Каплун, о перебитых товарищах — фигурантах ленинградского писательского «дела», догнавшего самого Спасского 13 лет спустя. И например, разговор Пастернака со Сталиным о Мандельштаме²² изложен 2 ноября 1934 г. предельно осторожно: «Сегодня обедал у Пастернака. Его рассказ о «разговоре». Реплики собеседника: — Вы как-то медлительно говорите. — Что же отмежевываетесь от товарища? — Если б я был поэтом и товарищ попал бы в беду, я бы на стену полез. — Пастернак защищался. — А почему вы человек не общественный? — Да, помируйте, работать надо. Времени не хватает. — Да, работать сейчас самое главное».²³

Дневник Сергея Спасского ждет своей полной публикации с пространным комментарием глубокого залегания — именно в силу многочисленных намеков и недомолвок, относящихся и к политической обстановке в СССР, и к личной жизни писателя. Для настоящей публикации отобраны записи, относящиеся к Ахматовой, снабженные предварительным комментарием.

во фразе «— Ну, дрова, это слишком, — расхохоталась она» можно вычитать «Ну, дрова, это маком» т. е. восклицание в смысле «дудки», «шалишь!» и т. п. (Словарь русских народных говоров. Вып. 17. Л., 1981. С. 313) — междометие, употреблявшееся Ахматовой и своей неожиданностью в ее устах вызывавшее смех — см. ташкентскую запись Л. К. Чуковской от 24 марта 1942 г.

²² Имя Мандельштама в дневниках ни разу не упомянуто, но среди бумаг Спасского сохранился блокнот, в который он начал переписывать сборник «Камень».

²³ Ср. пересказ Пастернака в воспоминаниях Ахматовой о Мандельштаме «Листки из дневника»: «Сталин сообщил, что отдано распоряжение, что с Мандельштамом будет все в порядке. Он спросил Пастернака, почему тот не хлопотал. „Если бы мой друг поэт попал в беду, я бы лез на стену, чтобы его спасти“. Пастернак ответил, что если бы он не хлопотал, то Сталин бы не узнал об этом деле. „Почему вы не обратились ко мне или в писательские организации?“ — „Писательские организации не занимаются этим с 1927 года“. — „Но ведь он ваш друг?“ Пастернак замялся, а Сталин после недолгой паузы продолжил вопрос: „Но ведь он же мастер, мастер?“ Пастернак ответил: „Это не имеет значения“. Борис Леонидович думал, что Сталин его проверяет, знает ли он про стихи, и этим он объяснил свои шаткие ответы. ... „Почему мы все говорим о Мандельштаме и Мандельштаме, я так давно хотел с вами поговорить“. — „О чем?“ — „О жизни и смерти“. Сталин повесил трубку».

Ценность свидетельств Спасского, вероятно, нетрудно заметить. Укажу только на запись о первом чтении «Поэмы без героя» в Ленинградском Доме писателей в марте 1941 г.²⁴ — подробности о точной дате и обстоятельствах этого чтения расплывались в памяти не только слушателей (Рита Райт, Ю. Плашевский, П. Куприяновский, П. Лукницкий и др.), но и самой Ахматовой.

22 мая 1941 года он надписывал свой роман «Перед порогом» (Л., 1941): «Анне Андреевне Ахматовой на память о встречах и разговорах».

Дневник Сергея Спасского

21 февраля 1936 г.

19-го <...> армянский вечер.²⁵ Выступали Пастернак, Тихонов, Антокольский, Лозинский, Адалис, я и еще. Была среди нас Ахматова. Читала ее перевод, ей устроили овацию. Все встали. Меня встретили хорошо. Банкет. Перешли на ты с Пастернаком.

10 ноября 1939 г.

Хлопоты со сборником.²⁶ <...> Сегодня телефонировал к Шостаковичу и к Ахматовой. Приятно было слышать ее голос.

²⁴ Ср.: «Выступление Ахматовой. Она читала свои стихи в Союзе писателей. После чтения высказались только двое: старые поэты. Молодые молчали. Стихи очень звучные, музыкальные и прочее. Но никто ничего не понял. Так и разошлись — в полном недоумении. <...> Ахматова не найдет своего тона в современности» (Крайнева Н. И., Шилов Л. А. «Сверхнормальная женщина...» (Выдержки из дневников И. А. Боричевского) // История в рукописях и рукописи в истории. Сб. науч. трудов к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. СПб. 2006. С. 440).

²⁵ См.: «Вечер армянской поэзии состоялся в Москве. Выступили московские и ленинградские поэты, работающие над переводами для антологии армянской поэзии, которая в ближайшее время выпускается издательством «Академия». Среди выступавших — Тихонов, Пастернак, Спасский и др.» (Пять строк // Литературный Ленинград. 1936. 26 февраля).

²⁶ 31 октября 1939 г. Спасский писал матери: «Что касается сборника памяти Маяковского, то тут тоже уже заварилось дело. Бесконечные телефонные переговоры, хождения в Госиздат, встречи с авторами» (РГАЛИ. Ф. 1348. Оп. 4. Ед. хр. 142. Л. 152).

Очень давно я ее не видел. Она жаловалась на здоровье — нервастения, бессонница, болит нога.

3 января 1940 г.

Разговоры по телефону с Эйхенбаумом, Тыняновым, Ахматовой. Эйхенбаум и Тынянов жалуются на усталость. Тынянов вдруг стал очень хвалить мои переводы грузинских романтиков. Ахматова больна и без дров. Звонил в Литфонд, подтолкнул привоз дров для нее. Сегодня она говорила, что получила. Видимо, не работает и действительно хворает.

8 января 1940 г.

5-го встретил Ахматову в Союзе. Ее «принимали».²⁷ Я не был на этой процедуре и столкнулся с ней в раздевалке. Благодарила за злополучные дрова, в которых я не так уж повинен. Постарела. И все же ее особая сдержанная и обаятельная манера держаться сохранилась.

16 января 1940 г.

Вчера с заведующей редакцией Гихла Кривошеевой²⁸ днем был у Ахматовой. Кривошеева отправилась сообщить Ахматовой о том, что ее книга избранных стихов включена в план и что

²⁷ «На заседании правления были единодушно приняты в члены союза советских писателей молодой беллетрист Э. Грин, писатель Зонин (автор повести о Нахимове), литературовед Н. Мордовченко, Б. Рест (автор книг «Книги и люди» и «Эрмитаж»). В члены союза советских писателей была принята на этом заседании Анна Ахматова, с краткой характеристикой творчества которой выступили М. Лозинский и М. Слонимский» (А. Д. Книги 1940 года // Литературная газета. 1940. 10 января).

²⁸ Анна Ивановна Кривошеева (1893—1951) — критик. Об истории этого несостоявшегося издания в ленинградском отделении издательства «Художественная литература» см.: Гончарова Н. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. М., СПб., 2000. С. 238—239; Тименчик Р. Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 5. Симферополь, 2007. С. 180—182.

надо оформить договор. У меня же — разговоры об участии в сборнике.

Темная с оклееными бумагой в связи с затемнением окнами комната. Лампа на столике.

Топится печка. Глубокое, ветхое кресло. Тахта, на которой А. А., очевидно, отдыхает. Сама она в пальто и нас просила не раздеваться. Все-таки холодно, особенно в эти исключительно морозные дни.

Угрюмо, напоминает все не то своеобразную одиночную камеру, не то келью. Почти не видел в сумраке лица. При разговоре о здоровье вздохнула, как и в тот раз, когда встретил я ее в Союзе. Видно, действительно, неврастения нешуточная.

Говорили о порядке вещей в сборнике.

— Порядок будет почти хронологический. Делить на отделы? Но еще, когда я выступала, мы считали это устарелым. Помните, это символисты всегда делили на отделы. Да, будут и стихи, которые после 20-го года печатались в разных сборниках и журналах. Это сейчас забытые стихи.

«Советский писатель» до сих не заключил с ней договора.

— Они взяли книгу еще летом, и до сих пор ни звука. Я им позвоню. Я не люблю напоминать. Они пускают книгу по малой серии «Библиотеки поэта». Ведь у них там все авторы уже умершие, — сказала она с легкой улыбкой, — издательство и пришло, что авторы его не беспокоят.

Относительно стихов для сборника «Маяковскому».

— Мне самой очень хотелось бы написать. Но ведь это нарочно не напишешь. Я пишу, когда слышу музыку.

— Я пишу стихи раз в три года, — сказала она в ту встречу в издательстве.

Оживилась, когда упомянули о морозах.

— Ведь правда, таких морозов здесь раньше не бывало. Нет, нет, вы мне не мешаете, только вы ведь люди очень занятые.

И во всем замечательная, но какая-то острапяющая вежливость.

Что-то горькое и очень одинокое во всем ее строгом облике.

Почему-то разрывается сердце, когда вспоминаешь о ней. А ведь какой подлинный чистый поэт. Много ли их у нас! Таких

только двое. Она и Боря. И о Боре много думается в последние дни.

6 апреля 1940 г.

Вечером выступал в Выборгском Доме культуры. Опять была Л. В. Маяковская, к которой я привык. Читала посвященные Маяк <овскому> стихи Ахматова. Впервые читала с 24-го года. Тот же голос, хотя держится тяжелее. Впечатление, будто трудно ей стоять. Читали Голубенцев и Журавлев, которого слушал в натуре впервые.²⁹ Сам он очень приятен. Чтение его М<аяковского> спорно.

11 апреля 1940 г.

Сегодня читал стихи в Капелле. Общегородское собрание.³⁰ Вступительное слово Тихонов. Потом Эйхенбаум, Каверин. У них обоих хорошие полувоспоминания, полустатьи. Ахматова выступала опять с стихотворением. Читала с большим успехом. Читали еще Браун и Прокофьев. Все транслировалось по радио, и это почему-то меня добавочно волновало. Хотя прочел, кажется, неплохо. Наташа³¹ говорила по телефону, что слышимость

²⁹ О вечере, посвященном 10-летию со дня смерти Маяковского в Выборгском Доме культуры вспоминали чтецы Н. А. Голубенцев (Анна Ахматова в записях Дувакина. Подготовка текстов: В. Ф. Тейдер, В. Б. Кузнецова, М. В. Радзишевская. Консультант: Н. Н. Глен. Вступит. ст., сост. и коммент. О. С. Фигурнова. М, 1999. С. 191) и Д. Н. Журавлев (*Журавлев Д. Н. Жизнь, искусство, встречи*. М. 1985. С. 324).

³⁰ «Вечер открыл секретарь Исполкома Городского Совета депутатов трудящихся тов. Пономарев, с речами, воспоминаниями и стихами, посвященными В. Маяковскому, выступили Н. Тихонов, А. Прокофьев, А. Ахматова, В. Каверин, Н. Браун, С. Спасский, профессор Б. Эйхенбаум, курсант Военно-политического училища им. Энгельса Г. Ширяев, ученик 21-й школы Петроградского района Игорь Иванов, секретарь Обкома и Горкома ВЛКСМ тов. Дмитриев» (Вечер памяти В. В. Маяковского // Ленинградская правда. 1940. 12 апреля).

³¹ Наталья Александровна Роскина (1927—1989) — литературовед, мемуарист.

была хорошая, ясная. Вчера получил авторские воспоминаний.³² Сегодня подарил экземпляр Ахматовой.

18 апреля 1940 г. [Москва. У К. А. Федина]

Там Ахматова и Израилевич.³³ Ахматова читала новое. Замечательную «Память», «Китежанку»³⁴ и еще. Федин сидел добрый, восторженный, подвыпивший. Ахматова звала к себе в Ленинграде. Боря прекрасно читал удивительные свои переводы Верлена. «Это лучшие мои переводы». Было очень значительно это пребывание вместе Бори и Ахматовой. Здесь в то время — и был центр современной поэзии. Ушли не поздно. Я шел с несчастным и по своему хорошим Як<овом> Львовичем.³⁵

5 июня 1940 г.

Вчера часам к 11 пришел к Ахматовой, предварительно стоворившись по телефону. Она лежала на диване в полутемной своей комнате. Рядом сидел милый Лозинский. Я попал в их разговор и, может быть, что<-то> нарушил в нем. И тогда беседа пошла несколько вразброд, перебрасывая от случая к случаю. В связи с выходом книги оба они вспоминали, как в прежние

³² Спасский С. Маяковский и его спутники. Воспоминания. Л., 1940. Кстати, наряду с другой юбилейной маяковианой, книга Спасского могла быть толчком к становлению образного строя «Поэмы без героя». О соотношении фигуры «размалеванного пестро и грубо» Поэта Мироздания с футуристами, которые «любили рядиться», говорила сама Ахматова. Ср. в книге Спасского свидетельство о вожде кубофутуристов в дни после Февральской революции: «— А что, если раскраситься и пройти в таком виде по городу? — задумывался над сложившимся положением Бурлюк. — Неизвестно, как отнесутся к этому. Свобода коллективных выступлений достигнута. Неизвестно, в какой мере мы можем проявить себя индивидуально» (С. 86).

³³ Яков («Жак») Львович Израилевич (1887—1953?) — торговец антиквариатом.

³⁴ Предположительно «Подвал памяти» и «Путем вся земли».

³⁵ См. об этом вечере рассказ Ахматовой в записи Л. Чуковской от 6 мая 1940 г.: «[Пастернак] привел к Федину Спасского, который хотел послушать мои стихи. И тут же, при нем, повторял бесконечно: «Сергей Дмитриевич создал нечто грандиозное, я уже целых три дня живу его последними стихами». И все вздор. <...> Он часто хвалит из самой наивной, грошовой политики. Уверяю вас. Ему мерещится, что так для чего-то кому-то надо».

годы сборники стихов выходили в очень малом количестве экземпляров. Долго стояли, сданные на комиссию в магазины.

— Когда я узнала, что мой «Вечер» разошелся, я пришла к Вольфу — получать деньги. Там был старенький приказчик. Я говорю ему: кажется, книга моя разошлась. Он спросил фамилию и позвонил и сказал: этого, барышня, не может быть. Лозинский вспоминал: сборники «Гиперборея» выходили, очень запаздывая. Г. Иванов шутил: зимой, в мороз встречаю Лозинского в соломенной шляпе. Почему? Вышел июньский номер «Гиперборея».

Лозинский пошучивал, жалуясь на старость, на ишиас, путаясь в двух парах очков — одни для чтения, другие, чтобы смотреть. Ахматова:

— Нет, я за старость. Ну что хорошего было бы, если б вы умерли 28-летним. Кто бы перевел Данте? Что бы осталось после вас?

Я поддержал: жить надо долго.

И была во время этого разговора Ахматова очаровательной, по-старинному светской, петербургской, по временам улыбающейся с удивительной любезностью. Говорит, что <в> последней тысяче экз<емпляров>, которая сейчас выйдет, будет исправлена опечатка — в одном стихотворении «стрелой» вместо неверного «иглой»³⁶. Опечатка повторялась во всех прежних изданиях.

— Я никогда не читала своих книг и так всегда и было «иглой». А сейчас мне попала на глаза эта строчка. Я удивилась. Почему иглой? Проверила по рукописи — там стрелой.

И Лозинский, с его милым юмором, говоривший с Ахматовой как влюбленный, был прекрасным партнером в этом таком естественном и все же изысканном дуэте. Потом Лозинский ушел. Я поднялся тоже, но А. А. остановила меня. В первый момент я не знал, что говорить. Так не способен был я продолжать только что существовавший разговор. Но это оказалось ненужным.

— Ну, почитайте стихи. Я могу слушать.

³⁶ Стихотворение «Слаб голос мой, но воля не слабеет...» из сборника «Белая стая». Экземпляры сборника «Из шести книг», где это исправление внесено, нам не попадались.

И тут А. А. стала другой — серьезной, строгой, поэтом-профессионалом, старшим мастером, знатоком. Я читал, она слушала, вытянувшись, молча. После одного стихотворения:

— Это очень сильно.

Я останавливался.

— Читайте еще.

Я читал, несмотря на свой возраст, как ученик, сдающий работу требовательному руководителю. И потому читал очень сухо, без всяких декламационных прикрас. И надо сказать, что такое давно не испытанное чувство (разве когда читаешь Пастернаку, но там все окрашено по-другому) было очень приятно. Я кончил. Она говорит, после молчания:

— Тут разные стихи, и не все мне нравится. Но есть очень настоящее. Это такая поэзия, какой и должна быть современная поэзия. Я как раз недавно говорила, что поэзия сейчас должна быть мрачной и яркой.

— Яркой, — повторила она потом. — Здесь есть влияния Пастернака, и есть и еще другие истоки, но сквозь все пробивается свое, чувствуется сквозной поток, и несмотря на разность стихов, образуется нечто цельное. Я не знаю ваших прежних стихов, но думаю, что они были, вероятно, сложные, может быть, формально крепче, изощреннее.

Я подтвердил. Сказал о сложности, которая была уделом всего нашего поколения. И о том, что сейчас иногда как бы утрачиваешь форму, отказываешься от нее.

— Поэзия начинается с утраты, с отказа. Когда о форме забываешь совсем.

Я сказал о том, что сейчас стихи идут «прямым ходом».

— Да, поэзия всегда — прямой ход. Есть искусство, говорящее о самых страшных вещах, но знаешь, что с автором ничего не может случиться. Таков Мериме. В том, что вы прочли — другое. Тут поэт — участник тяжелых событий. Он знает и о смерти, и о безумии. И отсюда и другое отношение к природе, к людям. И говорит обо всем без нытья. Это тоже очень важно для современного искусства.

Голос ее звучал ровно, очень трезво, фразы были точны и определены.

— Иногда, мне казалось, есть длинноты. Но это моя болезнь. Я отыскиваю длинноты даже в собственных стихах.

А за ними чувствовался огромный опыт многих долгих, выверенных мыслей о нашем искусстве. И безошибочный слух. И отсюда рождалось желание неустанного совершенствования в нашем сложном и благородном деле. И все это говорила больная, по временам останавливающаяся от сердечных сжатий женщина, почти не поднимающая головы от подушки.

А потом мы перешли к разговору о моей поездке в Сибирь,³⁷ к нашим общим делам.

И она стала опять совсем другой. С одной стороны она давала мне советы с полным знанием обстановки и обстоятельств, и вместе с тем это был страдающий, пронизанный личным горем человек. Ее лицо иногда искажалось от горя. И было оно удивительно прекрасным, это лицо вне возраста с полными боли и понимания глазами. И этот образ ее был, пожалуй, самым сильным из всех ее удивительных образов. Она сказала мне много важного. Между прочим, о Кузмине.³⁸

— Это был очень-очень холодный человек. Я никогда не видела, чтоб отнесся к кому-нибудь тепло, чтоб он удержался от

³⁷ Спасский навещал в Мариинском исправительно-трудовом лагере свою жену С. Г. Каплун-Спасскую.

³⁸ Друживший одно время с Кузминым (см.: Дневник М. А. Кузмина 1934 года / Сост., подгот. текста, вступ. ст., комм. Г. А. Морева. СПб., 1998 — по указателю), надписавший свою книгу стихов «Особые приметы» (Л., 1930): "Милому Михаилу Алексеевичу, чье творчество всегда представляется мне образцом веселого, мудрого и свободного мастерства, утверждением независимой и самопроизвольной поэзии, искренне любящий Сергей Спасский», он записал, вернувшись с похорон 5 марта 1936 г.: «Я говорил о трудолюбии, о скромности, о широте М.А. О его доброте и любви к жизни.

Юра <Юркун> потом рассказывал: умирал М. А. совсем спокойно. Отправил Юру, сказав: — Все кончено, остались одни детали. Юра думал, что речь идет об окончании болезни. — Вам хорошо? — спросил Юра. — Мне абсолютно хорошо. Юра ушел, потом его вызвали, когда М. А. уже тихо кончался.

А перед этим мечты смешивались с действительностью.

— Вы вот не пускаете меня в балет. А я очень люблю балет. Я пойду в балет, — говорил он Юрочке.

Тихонова на похоронах не было. Вообще союз постарался похороны упростить».

насмешки. Это всегда было «по ту сторону добра и зла». Это — внеморально. При всем его таланте и обаянии.

Я оставил ей книгу для надписи.

— У меня накопилась их целая гора. Незнакомые люди приходят и просят надписать.

— Но так, верно, всегда было.

— Нет, теперь, что-то особенное.

Я сказал о неистребимой любви к стихам.

— Да, в нашей стране любят стихи.

Несколько раз возвращались к Пастернаку. О «Гамлете».

— Это удивительный перевод и совершенно точный. Я знаю «Гамлета» почти всего наизусть. И как читает. Такого изумительного чтения я не слышала никогда. Никакой актер так не исполнит.

Она встала проводить меня, высокая, прямая, легкая, вновь ставшая любезной и светской. И мы шли по темному коридору, по слабоосвещенной кухне, словно по парадным залам. В любой обстановке она естественно умеет быть «королевой» в наивном и хорошем смысле этого слова.

— Он, может, выдержит еще два года, но я не выдержу, — сказала она о сыне.

После того, как мы поговорили о моих стихах и замолчали на минуту, она сказала: я хочу прочесть вам одно новое стихотворение «Другу». И тихо прочла.

— В нем есть о безумии. Оно схоже по теме с вашим.

Это было лучшим ответом поэта на прочтенное мной.

* * *

О Пастернаке.

— А похож он у меня в стихах?

И еще.

— Мне кажется, ему не очень понравилось мое «Путем вся земля». ³⁹

³⁹ Ср.: «Вот ему не понравилось «Путем вся земли». А он гомерически хвалил, необузданно.

— Откуда же вы знаете, что ему не понравилось?

— Вы читали книгу Шкловского о Маяковском?

— Нет.

— Неприятная книга. Понарезано из прошлых книг. Очень устарела вся его форма. И почему он пишет неправду. Будто на похоронах Блока было мало народа.⁴⁰ А был весь город. Он не может не помнить. Он сам нес крышку гроба.

И потом о первых вечерах футуристов. Переписывает из «Полутораглазого стрельца» будто в первых рядах сидели офицеры в мундирах.⁴¹ Он же помнит, что это не так. Слушала фу-

— Я догадалась. Во-первых, он сказал: похоже на Мандельштама. А Мандельштама он терпеть не может, он позабыл, что говорил мне об этом раньше. Потом он сказал: «Это так прекрасно, что не может существовать одно. Я уверен, где-то еще существует подобное». Я догадалась потом: подобное — это настоящие стихи, его собственные, которые он еще не написал, а я написала; но мое — это не настоящее, это случайное, а настоящее — подобное — это его, это то', что должно быть и будет... Такова его подсознательная мысль, он сам ее еще не понял, а я догадалась» (Запись Л. К. Чуковской от 6 мая 1940 г.).

⁴⁰ «Его хоронили, народу шло за гробом немного, не больше обычного.

На улице спрашивали:

— Кого хоронят?

— Блока.

— Генриха Блока?

Генрих Блок имел банкирскую контору, а также продавал пишущие машинки, сильно рекламировался и повесился в своей конторе. Это так помнили, что собирались хоронить его второй раз.

Так умер Блок Александр»

(Шкловский В. О Маяковском. М., 1940. С. 111—112).

⁴¹ Ср. в мемуарах Бенедикта Лившица «Полутораглазый стрелец» о Первом вечере речетворцев 1913 года в Москве: «... в первом ряду, сплошь занятом военными, раздался звук, похожий на дребезжанье развихлявшегося мотора: блестящие, „в лоск опроборенные“ кавалеристы, усмотрев оскорбительный намек в словах докладчика, в такт, „по-мейерхольдовски“, застучали сердито о пол палашами. Я наблюдал из-за кулис этих офицеров <...> Блестящая рампа вытянувшихся в одну линию офицерских погонов -- единственная осязаемая граница между бедламом подмостков и залом...»

туристов молодежь. Что это за офицеры, да еще в мундирах?⁴² Непонятно, зачем это ему нужно.

16 июня 1940 г.

Вчера в столовой в клубе видел Ахматову. Пришла обедать. Немного посидел с ней.

— Я очень рада вас видеть. Вы уезжаете? А книга?

Я говорю, что решил ее не торопить. А разве готова надпись?

— Нет. Но в любой момент может быть готова. Если хотите, я дам вам желтый экземпляр с поправленными опечатками.

Я говорю, что мне все равно. Я не библиофил.

— Я тоже совсем нет. Даже и опечатки не беда. Ведь по каким испорченным текстам мы учили в детстве Пушкина.

— И доходило.

— Настоящее всегда дойдет.

Я спросил, не собирается ли она куда-нибудь ехать.

— Нет. Хотя и нужно бы.

— М<ожет> б<ыть>, вы поехали бы в «Пушкин» в Дом творчества.

— Мне туда тяжело ехать. Слишком много воспоминаний.

Рассказывала, как на днях она хотела перейти Конюшенную.

— Я всегда с трудом решаюсь перейти улицу. Такое у меня помешательство. И вдруг навстречу из сумрака подлетел какой-то человек и заорал: Анна Ахматова! Вы, конечно, идете с Фонтанки. Показал, что знает, где я живу.

Я очень смеялся над таким проявлением почтения. Она:

— Что это значит! Ведь я, например, не закричу, если увижу на улице хотя бы Перцова.

А когда-то поэтесса, которую вы знаете, незнакомая мне тогда, подскочила ко мне на улице и поцеловала меня. Я закричала.

⁴² Ср.: «Обычно же в первый ряд приходили офицеры, нарядно одетые, в мундирах, таких пестрых, что они отличались от дамских платьев главным образом отсутствием декольте и толщиной материи.

А сзади — студенты, курсистки» (Шкловский В. О Маяковском. М., 1940. С. 54).

Рассказывала, что один киносценарист сообщил ей, как он стоял 600 м в очереди за ее книгой. И, конечно, не достал.

Ей, несомненно, приятен этот ошеломительный успех ее книги.

Говорила, что очень огорчена болезнью Бори. Увижу ли я его?

Условились, что по возвращении я ей позвоню.

6 сентября 1940 г.

Вчера заходил на час к Ахматовой. Взял надписанный ею экземпляр книги, который оставил ей давно. Чуть не остался без экземпляра, так как у нее рвали их из рук. Улыбается.

— Вы относитесь ко мне, как к сумасшедшей.

Чувствует себя плохо. Сердце. Базедова болезнь. Собирается в больницу. Совсем не выходит. Не писала летом ничего. Была в Москве, видела Б. Л., который здоров, хозяйничает на даче. Он говорил с ней о моих стихах. Она подтвердила, что стихи ей понравились. Возилась с внучкой Пунина, которая к ней иногда забегает. Рассказывает, что ее навещала какая-то 17-летняя приезжая поэтесса — читала ей стихи.

— В 17 лет еще нельзя писать хорошие стихи. Только Пушкин писал действительно хорошие.

Говорили о походе на большое количество писателей.⁴³ Она:

— Это правильно. Слишком многие пишут. Этого никогда не бывало.

Поэтесса ей сказала: я вас представляла хрупкой, маленькой. Она:

⁴³ Кампания, начатая после принятия 31 июля 1940 г. Постановления Пленума ЦК ВКП(б) «О контроле над проведением в жизнь Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Ср.: «К здоровой писательской среде, делающей свое важное, ответственное дело, присоединилось довольно большое количество самых настоящих и отъявленных лодырей, которые будучи членами Союза писателей и пользуясь связанными с этими благами, живут и поживают, не принося ни государству, ни обществу никакой пользы» (О дисциплине писательского труда // Литературная газета. 1940. 25 августа).

— Простите, какая есть.

С обычной любезностью проводила до двери.

— Заходите. Я не всегда такая кислая.

Еще говорили о переводе «Ада» Лозинского. Я рассказывал о Грузии.

28 марта 1941 г.

Вчера в Союзе был вечер Ахматовой. Оповещения посылались только по поэтической секции, но голубая гостиная была полна. Я разговаривал с Лозинским. Он кончил комментарии к «Чистилищу» и скоро сдает перевод в печать.

— Приходилось работать большими кусками, — объяснял он. — Будто загрунтуешь всю стену для фрески, а потом выписываешь на ней подробности. Такова форма. Четверостишия закончены. И можно где угодно остановиться. А терцины выкладываются одна из другой. Какая-то бесконечная матрешка. А здоровье очень плохо. Всю прошлую ночь мучался. Спал один час.

И тут с особенной своей любезностью приветствовал приближающуюся по ступенькам даму.

— Сегодня музы ходят по лестницам.

Ахматова вошла оживленная, улыбающаяся.

— Мне сказали, будет совсем интимно, — говорила она, проходя в залу, мне, Лозинскому, Рождественскому. — А я не вижу никаких признаков интимности.

Она сидела за столиком президиума и в глубокой тишине тихим, но ясным своим, протяжным голосом, читала маленькие стихотворения и поэму о 13-м годе. Эта странная, полная романтических, фантастических аксессуаров вещь с неожиданными связями и полновесными эпитетами словно тихо вращалась в сознании, позволяя обозреть весь причудливый склад ее образов. Я встал и видел горделивый, спокойный профиль читавшей. От лица ее невозможно было оторваться. Весь облик — тоже горделивый и горестный, проникнутый трагическим высоким покоем. Сколько искусства в самой этой постаревшей, удивительной женщине.

И какое настоящее искусство неожиданное, тревожное, выбивающее из колеи и радующее в этих равномерно протекающих строчках.

Она кончила. Начались довольно сбивчивые, расплывчатые разговоры. По просьбе слушателей она прочла еще стихотворение из «Ивы» и забыла начало последнего куплета.

Особенно глупо говорил Цензор.

Объявили перерыв, хотя читать она больше отказалась. Я ушел.

Сегодня позвонил ей и говорил, что все время нахожусь под впечатлением поэмы.

— Да что, вы, верно, все сговорились меня хвалить, потому что я больна.

Я сбивчиво что-то ей доказывал.

— Как вы вообще поживаете? Я скоро уезжаю в Москву. Если хотите меня видеть в ближайшие дни, приходите, не откладывая. Спасибо, что позвонили.

В редких моих записях Ахматова занимает много места. Но о ком же писать? Не о постоянных же склоках, устраиваемых всюду мастером этого жанра Слонимским.

2 апреля 1941 г.

Позавчера позвонил Анне Андреевне. Она сама у телефона.

— А я только что звонила вам, верно, не по тому телефону.

— Мой телефон в книжке, только меня нет дома.

Условились, что приду через час.

Сама открыла дверь, потом объяснила:

— Жизнь проходит в открывании дверей. Такое устройство квартиры. Только здесь слышен звонок.

— Когда вы в Москву?

Она не поняла.

— Нет, с Москвой ничего не вышло.

И стала объяснять, что с ней велись переговоры относительно двух выступлений в Москве — в Доме Ученых и в МГУ. Была телеграмма, что вечера разрешены и все готово. Потом вторая, что все будет готово. И затем полное молчание.

— Отчего хотя бы не известить? Я пошла, купила три метра крэп-де-шина.

Сшили платье, в котором она была в Союзе. Так что это платье — единственное следствие всей истории.

В комнате почему-то светлее и уютней. Вероятно, от открытых штор, от весеннего вечернего освещения сквозь окно. Сама Анна Андреевна тоже выглядит хорошо. Аккуратно приглаженные, тщательно расчесанные волосы. Оживлена и приветлива.

— Садитесь здесь, — указала на диван рядом с собой.

Разговор пошел о вечере, о поэме. Когда я хвалил, у нее сдержанное, отсутствующее лицо.

— Вам понятна вещь?

— Да.

— Хотите я ее прочту? А может, все-таки непонятна? Тогда я вам объясню.

— Мне интересно будет прослушать ваше объяснение.

— Так вот. В начале просто посвящение, которое я в Союзе не читала. Потом — первая часть. Праздник. Маски. *Commedia dell'Arte*, которой тогда увлекались. Собираются гости. Ждут героя. Героя нет. Но приходит незванный гость. Это просто поэт. Он существовал всегда. Он — само мироздание. Поэтому он родственник *<sic!>* Мамврийского дуба. В Библии есть такой образ. Все разбегаются, поэт остается перед пустой сценой. Это первая часть. Вторая часть — из рамы портрета выходит героиня. Предчувствие катастрофы. Третья часть — сама катастрофа. Затем заключение. И потом то, что я называю «Решка». Знаете, как в монетах — орел и решка. Вот и все.

— Вы очень хорошо все рассказали. Я убедился, что все понимал правильно. Только упустил, что герой — поэт. Но мне слышалась здесь тема судьбы или смерти.

Она читала тихо, размеренным своим глубоким голосом. Сдержанно и ровно, едва отмечая повышения и понижения. Делала остановки после каждой части, отмечая — это конец первой части и т. д. Поэма снова раскрылась передо мной, став еще более осязаемой и пластичной. Я заговорил о ней. О живописи, о глубоком черном фоне, из которого выступают сверкающие

образы. О том, что это просто очень красиво. О полном преодолении и поэтому неощутимости формы. Вещи как бы только называются и приобретают смысл и свежесть от сопоставлений. Как ноты в музыке, безразличные сами по себе и приобретающие содержание от места, где они возникают, от соседства с другими.

— Да. А между тем в поэме совсем не называются краски. Но говорят, ее слушая, о музыке и живописи. Вчера, когда я рассказывала одной знакомой, что на вечере просили чтеца прочесть ее второй раз, знакомая воскликнула: как это можно читать после вас — вы так музыкально читаете. У вас даже шестнадцатые слышны. А вещь возникла так: мне посоветовали, чтоб избавиться от бессонницы, пить чай в шесть часов, а в двенадцать ложиться. Я так и поступила. И представьте, действительно стала засыпать. И вот однажды (это было, кажется, сказала она, 25 дек<абр>), чувствую, начинает что-то звучать. Я подумала — не хочу, и легла. Но звучит все настойчивей. Тогда я встала, заварила крепкого чаю и писала всю ночь. К утру все было готово... А мой сосед, Николай Николаевич, сказал про нее — это *danse macabre*. И это займет место в мировом искусстве среди произведений такого рода.

Причем такие вещи о своем произведении она говорит без тени рисовки, с трезвой обезоруживающей простотой.

— Почему говорят, что она непонятна? Неужели, например, «Высокая болезнь» более понятна?

Я ответил, что считаю вещь вполне понятной.

— А у меня на собрании произошел случай, который меня мучит. Я сделала большую неловкость. Мне прислали записку, а я не взяла очки и передала записку президиуму. Там прочли: «Мы очень любим ваши стихи, хотя поэма совсем непонятна. Группа молодежи». Мне неприятно, что они видели, что я передала их записку другим. Они ведь не знают, что это произошло невольно, только из-за отсутствия очков. Надо было записку взять с собой и прочесть дома. Но неужели вещь непонятна!

К этой теме она возвращалась и позже.

— Я читала поэмы Хлебникова. Они ведь, в общем, понятны. Разве же моя поэма непонятней хлебниковских? И обиднее

всего, что если знать биографию Хлебникова, тогда у него все понятно.

Я сказал, что для стихов это минус, если они понятны только через биографию.

— Да, непонятные вещи должны быть непонятны и при знакомстве с биографией.

Но этот разговор был позже. После поэмы она предложила мне читать. Я читал, чувствуя себя совершенно просто, шесть последних стихотворений. Замечательно это чтение друг другу, когда вещи словно становятся во весь рост перед ее знающим, безукоризненно точным зрением. Особое острое, чисто профессиональное удовольствие.

— У вас одно ударение неправильное (это о «Низами»). А стихи замечательные, очень хорошие. Все. О них можно сказать то, что однажды сказали о моих: в них видно, как с аэроплана, куда все ведет. Снизу не видно, понимает направление. А сверху видно.

И снова вернулась к этой теме.

— Меня Пастернак летом спрашивал, слушала ли я стихи Спасского. Неправда ли, это один сплошной поток?⁴⁴ Я сказала: да. (Подумала). Но последние мне еще больше нравятся. По разным причинам. Все это совершенно настоящие и значительные стихи. Я вам еще прочту отдельные стихотворения.

И прочла ряд прекрасных небольших вещей. Я говорю: я их не запомнил наизусть, но они словно поместились в груди. И чувство времени. Как все современно. И поэма с ее горечью, трагизмом, горделивостью.

— Да. «Решка» там совсем задорная.

⁴⁴ См. запись рассказа Ахматовой: «А с Пастернаком я возвращалась под утро — это было незадолго перед войной — как раз с грузинского пира. Нам было по пути, в Замоскворечье, он взял меня под руку и всю дорогу говорил о поэте Спасском, ленинградце: какой это замечательный поэт, перешли мост, и вот здесь, на Ордынке, — она показала подбородком в сторону реки: мы с ней стояли у ворот ардовского дома, — он уже совсем захлебывался: Спасский! Спасский! Вы, Анна Андреевна, не представляете себе, какие это стихи, какой восторг... И тут он в избытке чувств стал меня обнимать. Я сказала: «Но, Борис Ленидович, я не Спасский». Это типичный он. Борисик» (*Найман А. Рассказы об Анне Ахматовой. М., 1999. С. 129*).

Я: вот и о Блоке говорили, что он в стороне от действительности, а все сказал и о настоящем, и о будущем.

Она согласилась.

Я хотел уходить.

— Вы торопитесь? Подождите. Оставайтесь.

— Я просто несколько оглушен стихами.

— Ничего, ничего, оставайтесь. Хотите, печку затопим? Ее все равно надо топить.

Я вызвался помогать. Она ловко расщепляла лучинки.

— Вообще вечер в Союзе из Достоевского. Председатель хотел скорей все закончить. Саянов просил поэму в «Современник»,⁴⁵ но я пока не дала. Почему состоялся этот вечер? Чтоб показать, что я не отвержена, не в стороне. И как всякий член Союза могу прочесть новые вещи своим товарищам. Мне говорили, будет человек одиннадцать, а когда я вошла, слышу, швейцар говорит — больше стульев нету, все стулья унесли.

Я вспомнил, что первое стихотворение ее прочел в «Ниве» гимназистом и сразу сказал, что это крупная поэтесса, а самое стихотворение забыл. Его не было в книгах.

— Приходи на меня посмотреть. Я одна, я живая, мне больно (кажется, так).⁴⁶

Я: вот, вот, оно!

— Странно, почему я вспомнила именно это. Я в «Ниве» много печатала.

— Я видел вас впервые в Москве в Консерватории на вечере «Современника». ⁴⁷ Заглянул в артистическую, вижу — Пастернак и Асеев подходят к вам.

— Тогда Асеев поднес мне стихотворение. Асеева со мной Пастернак знакомил. Вы не знаете это стихотворение? Я прочту.

Прочла.

⁴⁵ Виссарион Михайлович Саянов (1903—1959) в журнал «Литературный современник».

⁴⁶ «Приходи на меня посмотреть. / Приходи. Я живая. Мне больно. / Этих рук никому не согреть, / Эти губы сказали: „Довольно!“» и т. д. (Нива. 1912. № 44. С. 873).

⁴⁷ Вечер журнала «Русский современник» под названием «Литературное сегодня» в Московской консерватории 17 апреля 1924 г.

— Только Асееву его напечатать не пришлось.⁴⁸ А когда Пастернаку сказали, чтоб он снял посвящение, кажется, в «Новом мире»,⁴⁹ он написал: Ахматова такая же гражданка, как и все. Не понимаю, почему нельзя ей посвящать. Такая же гражданка. В этом весь Пастернак.

О книге. Я сама, старая дура, виновата. И никто мне не посоветовал. Поместили впереди новые стихи и первым «Иву». А она не понравилась. Три стихотворения не понравились.⁵⁰

Ива. А между тем в Иве просто действительный факт. Я вообще не выношу аллегорий. Просто ива в Царском Селе и, по моему, ее Пушкин описал (строчка о зеленеющем пухе из стихов о Царском Селе). Судя по тому, что он видел с точки, откуда писал.⁵¹ Я писала о ней, вспоминала детство. Мне хотелось, чтоб детство было не голлербаховским.⁵² С колоннами и т. д. А вот

⁴⁸ Стихотворение Н. А. Асеева «Не враг, я тебе не враг» впервые было опубликовано после смерти Ахматовой и Асеева: Литературная Россия. 1966. 16 сентября.

⁴⁹ Борис Пастернак. Анне Ахматовой // Красная новь. 1929. № 5.

⁵⁰ В этой фразе — согласно знакомой уже нам манере недомолвок цитируемого дневника — отсутствует дополнение, отвечающее на вопрос дательного падежа. Ср. позднейший ахматовский прозаический набросок: «Но где-то около 50 л<ет> все начало жизни возвращается к [человеку]. Этим объясняются некоторые мои стихи 1940 г. («Ива», «Пятнадцатилетние руки...»), которые, как известно, вызвали неудовольствие Сталина и упреки в том, что я тянусь к прошлому».

⁵¹ Ср.: «На отдельном листке сохранилась более пространная запись Ахматовой: *«Дряхлый пук дерев — только плачущая ива на берегу озера, которую я помню еще в 90-х годах. Какие дряхлые пуки дерев могли быть в Александровское время в Царскосельском парке?!»* У Пушкина: «И дряхлый пук дерев, и светлую долину» («Царское Село», 1823; II, 285). Ср. стихотворения Ахматовой «Ива» (1940; с эпиграфом «И дряхлый пук дерев»), «Все души милых на высоких звездах» (1944; строка «У берега серебряная ива / Касается сентябрьских ярких вод») и стихотворение из цикла «Городу Пушкина» — «Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли» (*Герштейн Э. Г., Вацуро В. Э.* Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине // Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972. С. 38). См. также: *Слинина Э. В.* Пушкинские мотивы в царскосельских стихах Анны Ахматовой // Пушкинский сборник. Псков. 1973. С. 129—139.

⁵² Имеется в виду рассуждения в духе книжки Э. Ф. Голлербаха «Город муз»: «Муза Ахматовой неразлучна с этим городом, или, вернее, сама «златоустая Анна всея Руси» стала «царскосельской музой», по слову Марины Цветаевой.

ива. И чужд голос человека⁵³ — это ведь о детстве сказано. Потом я исправилась, говорит она с умной своей, немного лукавой улыбкой. И однажды я приезжаю, ивы нет. Не знаю, поэтический это факт, или нет, но он меня поразил.

Все испортила еще дружеская услуга Толстого и других.⁵⁴

В это время печка окончательно разгорелась.

— Давайте выпьем вина.

Я отказывался всеми силами, но она принесла бутылку и бокалы.

— Ваше здоровье.

— Да вот этого как раз не хватает. Что, Борис Леонидович видит Марину?

Я: нет. Марина переводит.⁵⁵

Здесь ей «тревога путь пересекала», здесь томили ее печальные и пленительные загадки. Повсюду преследуют ее знакомые образы. В «золотом Бахчисарае» она «вспоминает с отрадой царскосельские сады» и узнает «орла Екатерины», слетевшего сюда с «пышных бронзовых ворот». На далеком юге, «под шатром тенистых тополей» ей мерещится старинный городок, «будки и казармы у дворца, надо льдом китайский желтый мост» и т. п.

⁵³ Начало стихотворения «Ива»: «А я росла в узорной тишине, / В прохладной детской молодого века. / И не был мил мне голос человека, / А голос ветра был понятен мне».

⁵⁴ Речь идет о выдвижении А. Н. Толстым и В. И. Немировичем-Данченко сборника «Из шести книг» на Сталинскую премию.

⁵⁵ Вероятно, о вытеснении Цветаевой на периферию советского литературного процесса Пастернак говорил Спасскому 6 марта 1940 г.: «Вечер провел у Бори. Одинокие разговоры на его верхушке. История Булгакова, Марины — Борина тема последнего времени.

— Всякий поступок — безумен. Безумно рождение, безумна смерть. Только бездействие разумно.

Но говорил он это в защиту поступка.

О том, что вполне полярно искусству».

За день до этого Спасский записывал: «... рассказывал о Ленинграде, об Ахматовой. Боря сказал, что безнадежен Булгаков и что почему-то вызвал его к себе недавно». Ср. известную заметку Е. С. Булгаковой: «Когда Миша был уже очень болен, и все понимали, что близок конец, стали приходиться — кто-то из писателей, кто никогда не бывал... Так, помню приход Федина. Это — холодный человек, холодный, как собачий нос. Пришел, сел в кабинете около кровати Мишиной, в кресле. Как будто — по обязанности службы. Быстро

Она: молодец, она все умеет. Вот я совершенно ничего не умею. Ни прозы писать, ни переводить.

— Однако у вас были статьи.

— Да, это совсем, совсем другое дело. О них сказали, что они написаны с полной академической сухостью. И это так. А переводы. Это несчастный козленок с армянского...⁵⁶

Я вот два стихотворения Франко перевела. Одно маленькое четверостишие, по-моему, не плохо. (Читает оба). И тоже послала, и ни слова. Но почему не написать, что не подошли.⁵⁷ А Марина, та все умеет. Только, по-моему у нее вкуса не хватает. — Я несколько опешил. — А вы как думаете? Может, я ошибаюсь?

ушел. Разговор не клеился. Миша, видимо, насквозь все видел и понимал. После его ухода сказал: «Никогда больше не пускай его ко мне». А когда после этого был Пастернак, вошел, с открытым взглядом, легкий, искренний, сел верхом на стул и стал просто, дружески разговаривать, всем своим существом говоря: «Все будет хорошо», — Миша потом сказал: „А этого всегда пускай, я буду рад“».

⁵⁶ Вольный перевод стихотворения Ованеса Туманяна — «Я приснюсь тебе черной овцою...»

⁵⁷ Перевод одного стихотворения Ивана Франко вскоре был напечатан:

И ты прощай! Теперь тебя
Не назову вовеки я,
В твое лицо не гляну!
Чтоб ты не знала никогда,
Ушел я от тебя куда
И чем лечу я рану.
Меня скорее позабуди,
Подругой верной мужу будь,
Учи детей спокойно!
Стихи мои ты не читай
И тень мою не вызывай
Ни днем, ни ночью знойной.
Коль имя прозвучит мое,
Пусть тень не ляжет на твое
Лицо, цветок завялый!
И не бледней и не дрожи,
Тогда спокойно ты скажи:
«Нет, я его не знала!»

(Звезда. 1941. № 5. С. 62). А перевод четверостишия пока не разыскан.

Я: мне просто некоторые ее стихи неприятны, хотя она замечательный поэт.⁵⁸ Например, стихи о Блоке.

— А стихи мне? Я просто не понимаю, как можно такие строчки писать (цитирует несколько строк). Это — плохо. Может быть, тут сказывается мой пуризм, но, по-моему, тут нет вкуса. Я, помню, была в Севастополе. Прихожу на почту. Мне подают толстый пакет. Я пошла на Приморский бульвар, открыла, оттуда — вся эта пачка стихов. Читала и удивлялась. Вероятно, у нее так получалось оттого, что она никогда не видела ни меня, ни Блока. А конечно, сильный она поэт. Я помню ее первую книгу, говорили, что поэтессе 15 лет. Стихи о детстве. Конечно, ей тоже просто детство тогда вспоминалось. Там мне очень строчка понравилась, как она помнит вкус соленого прилавка. Знаете, стоит в лавке и лизнула прилавок.⁵⁹ Впрочем, я ее заграничных стихов не знаю, а говорят, очень сильные.

Я: когда ее читаешь вслух, кажется, воздух в комнате весь ходит спиралями от столкновения аллитераций, от звуков. А потом, иногда удивляешься, вокруг чего, собственно, столько звуков.

— Может, и о моей поэме можно так сказать?

⁵⁸ Среди рукописей Спасского 1930-х годов сохранились его копии стихотворений Цветаевой из ее цикла на смерть Маяковского: РГАЛИ. Ф. 3139. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 22—25.

⁵⁹ За книгами

«Мама, милая, не мучь же!
Мы поедем или нет?»
Я большая, — мне семь лет,
Я упряма, — это лучшее.

Удивительно упряма:
Скажут нет, а будет да.
Не поддамся никогда,
Это ясно знает мама.

«Поиграй, возьми за дело,
Домик строй». — «А где картон?»
«Что за тон?» — «Совсем не тон!
Просто жить мне надоело!

Надоело... жить... на свете,
Все большие — палачи,
Давид Копперфильд»... — «Молчи!
Няня, шубу! Что за дети!»

Прямо в рот летят снежинки...
Огонечки фонарей...
«Ну, извозчик, поскорей!
Будут, мамочка, картинки?»

Сколько книг! Какая давка!
Сколько книг! Я все прочту!
В сердце радость, а во рту
Вкус соленого прилавка.

Пришел Гаршин, обстоятельный, мягкий, усталый.⁶⁰

— Мой друг, — обращается она к нему.

Попросила меня рассказать о вечере.

— А то я только острою, а не рассказываю...

Он показывал римские монеты. Рассказывал о старинных русских, о рисунках на них.

— Эти рисунки обязательно надо увеличить, — говорила она. — Ведь у нас почти ничего не осталось от нашей русской старины. — И вдруг ко мне: прочтите «Низами». Я прочел.

— Здорово вы расправились здесь с востоком. Хорошее преодоление востока.⁶¹

Гаршин ушел, посидев часок.

⁶⁰ О Владимире Георгиевиче Гаршине (1887—1956), ученом-патологоанатоме см.: Петербург Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин / Сост. и коммент. Т. С. Поздняковой, СПб., 2002.

⁶¹

Низами

— Воду вижу, а выпить не смею,
Роза близко. Ее не возьми —
Над бедой, издеваясь своею,
Так сказал бы в слезах Низами.
И все звезды, все клятвы востока
Он скрутил бы в гирлянду для той,
Кто его раздражила жестоко
Безразличной и злой красотой.
Был он вкрадчивый льстивый искусник,
Перепутавший правду и ложь.
Мой же стих для меня не союзник,
Ты его никогда не прочтешь.
Ни с жемчужиной, ни с луною
Не сравню я тебя. Да и сам
Не хочу, чтоб была ты родною
Дням тревожным, пустынным ночам.
Знаю, в жизни моей оголенной
Не найти безопасных путей.
Ты бы стала такой изумленной,
Если б что-нибудь поняла в ней.
Потому и твержу я без цели,
И за клятвы ты их не прими,
Соловьиные эти газели,
Что сказал за меня Низами.

— Это племянник писателя. И потом лучший специалист по раку.

Я сказал, что он мне очень понравился, и она потом опять как-то ко мне обратилась:

— А ведь правда хороший человек?

И еще при нем:

— Он стихи понимает. Я долго в это не верила, а потом убедилась.

Гаршин просил меня переписать «Низами», но она категорически: нет, это ни к чему. Это у нас не делается. Еще при Гаршине:

— На днях ко мне, кажется, Мгебров приходил.⁶² Меня не было дома. В половине первого вломился. Ему показали замок на двери. Он пошел к соседям. Сидел там, разговаривал с хозяином, целовал руку хозяйке.⁶³ Неизвестно, зачем свалился. Пьяный. Никогда у меня не бывал.

Я: Мгебров — анахронизм.

Она: да, но совсем неприятный. Декадент. Вот Пронин тоже анахронизм. Но легкий, хороший человек. Я имела случай убедиться, что он даже гораздо больше порядочен, чем это полагается для такого папильона.⁶⁴

«Если б что-нибудь поняла в ней» — неверное ударение, о котором говорит Ахматова.

⁶² Артист Абель Александрович Мгебров (1884—1966) — один из завсегдатаев «Бродячей собаки». См.: *Тименчик Р.* Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. М., 2008 (по указателю).

⁶³ Николай Николаевич Пунин и Анна Евгеньевна Пунина (Аренс).

⁶⁴ Актер Борис Константинович Пронин (1875—1946), хозяин «Бродячей собаки», навещал Ахматову в марте 1941 года (см. подробнее об этих визитах: *Тименчик Р.* Что вдруг. С. 222—223). 2 сентября 1943 г. актер, тещ (в прошлом член Цеха поэтов) В. С. Чернявский писал из Новосибирска в Ташкент М. Ф. Гнесину: «Не захотите ли Вы, вспомнив старину, доставить удовольствие (это главное), а отчасти и принести пользу человеку, с воспоминаниями о котором ничего, кроме хорошей улыбки (я в этом уверен), у Вас не связано? Это — Борис Пронин. Он здесь в труппе Пушкинского театра, на весьма скромном положении — беден, весел, говорлив, живет, как птичка божья. В этом месяце (дата может быть отсрочена) исполняется сорокалетие со дня его вступления в школу МХАТ. Этот скромный, интимный юбилей, не чреватый никакими последствиями, приурочиваем к сорокалетию Е. Т. Жихаревой. Борису Констан-

- Вот еще бич — письма читателей.
- Но вы ведь всегда, верно, много писем получали?
- Да, но теперь особенно. Прямо бедствие. И все пишут — вы мне такая родная и близкая. Вот, например, 19-тилетняя племянница Гнесина тоже так пишет.⁶⁵ Вы мне родная и близкая.
- Но вы не отвечаете на письма?
- Нет. Никогда. Это нельзя. Это проверено. Все пишут одинаково. Будто кто-то один спрятался и пишет из разных углов. А кто посмелее, приходят. Пришла старушка, попросила надписать «Четки», мою карточку и автограф.
- И вы удовлетворили все требования?
- Все. Я органически неспособна кого-нибудь обидеть. Этого я просто не могу.
- (— Ах, все мы старые сумасшедшие, это же в связи с Мгебровым).
- Вы бы у нее по метру дров попросили бы за каждую услугу, — заметил слушавший рассказ Гаршин.
- Ну, дрова, это слишком, — расхохоталась она.

тиновичу было бы очень радостно получить телеграфный привет от старинных друзей «собачьих» и не собачьих. Что если бы Вы, совместно, скажем, с А. А. Ахматовой, ее приятельницей Л. Х. Дроботовой (которая может взять организацию этого нетрудного дела на себя), а может быть, и еще с кем-нибудь из ташкентцев, знающих Пронина, послали ему такую телеграмму? Адресовать можно прямо в Новосибирск, Театр им. Пушкина, артисту Борису Константиновичу Пронину. Несколько теплых слов, и он будет бесконечно рад, и начнутся мемуары» (РГАЛИ. Ф. 2954. Оп. 1. Ед. хр. 761. Л. 2).

⁶⁵ Евгения Григорьевна Гнесина (1921—2014) впоследствии — сотрудница Центральной научной библиотеки Союза театральных деятелей. Дочь Григория Фабиановича Гнесина (1884—1938; расстрелян), поэта, актера, певца, она была выслана в 1938 году в город Бирск, вместе с матерью, которая писала по прибытии в ссылку ее дяде, композитору Михаилу Фабиановичу Гнесину: «С нами Пушкин, Блок, Ахматова. У Жени тоже уже есть новые стихи о новосельи и несколько этюдов пастелью» (РГАЛИ. Ф. 2954. Оп. 1. Ед. хр. 438. Л. 4—об). Пережив первую блокадную зиму, смерть матери и мужа, эвакуацию под Пятигорск, угрозу уничтожения немцами, Евгения писала ему 16 мая 1943 г.: «Стихов не пишу. Война, если и не убила мою музу, то все-таки сильно пришибла ее, и кто знает, когда она оправится» (Там же. Л. 18—об.).

— Федину нужна слава. Я рада, что его вещь прошла. И мне она нравится больше «Волшебной горы»⁶⁶ (тут я с нею совершенно не согласен⁶⁷). Сдержанная, точная вещь.

Я ему написать хотела, но я это ему скажу. А в «Волшебной горе» — фрейдизм. Там, пожалуй, только любовь хорошо описана. Но все это из Джойса. Все — и Манн, и Дос Пассос, и Хемингуэй. Я Джойса шесть раз всего прочитала. Лозинский и Смирнов⁶⁸ отказались читать. А я все же шесть раз прочла. Хотя я в десять раз хуже их язык знаю. Но они люди занятые, а я ведь — бездельница. Я лежу себе и читаю. Так вот — это совершенно гениально. Уже то, что в 14-м году, когда нам всем казалось, что мир рушится, он начинает описывать никому не нужный день 1903 года <sic!>.⁶⁹ Далекое прошлое. И пишет огромную книгу о нем. Для этого одного — какая нужна смелость.

Я говорю, что хочу написать ей и, может, когда-нибудь напишу стихи.

⁶⁶ В романе К. А. Федина «Санаторий Арктур» (1940) действие происходит в европейской противотуберкулезной лечебнице, как и в романе Томаса Манна. «Главы из этого романа Федин читал у себя дома, в узком кругу, Б. Л. Пастернаку, С. А. Есениной-Толстой, внучке Л. Н. Толстого, и Ахматовой. Это было в его московской квартире в мае 1940 года (Федин переехал на жительство в Москву в 1937 году). А уже в августе 1940 года Ахматова вручила Федину в Переделкине на даче писателя долгожданный сборник ее стихов „Из шести книг“: „Милому Константину Александровичу Федину от его старого друга. А. Ахматова“» (Перхин В. «От старого друга...»: Дарственные надписи Анны Ахматовой Константину Федину // Нева. 1995. № 9. С. 223).

⁶⁷ См., например, запись Спасского от 16 июня 1941 г.: «„Лотта в Веймаре“ — на любителя. Но я именно такой любитель».

⁶⁸ С литературоведом Александром Александровичем Смирновым (1883—1962) Ахматова была знакома со времен своей парижской поездки 1911 года; см. подробнее: Эдельштейн М. Письма А. А. Смирнова к А. А. Ахматовой (1954—1957) // *Vademecum*. К 65-летию Лазаря Флейшмана. М., 2010. С. 580—593.

⁶⁹ В романе «Улисс» описан день 16 июня 1904 года. Для Ахматовой эта дата связана с теми днями, когда она написала несколько стихотворений, — то есть, когда «пятнадцатилетние руки тот договор подписали», как она написала в 1940 году в стихотворении «Из цикла „Юность“» (см. подробнее: Тименчик Р. Ранние поэтические опыты Анны Ахматовой // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник, 1979. Л., 1980. С. 140—144).

— Вот и напишите. Выйдет лучше, чем у Марины. Напишите.

... о непонятности возникновения стихов.

— Да, это не объяснить никакими теориями. Всегда удивительно. Хотя некоторые пишут каждый день.

— Но Брюсова это ни к чему хорошему не привело, — говорю я. — После хороших стихов в молодости.⁷⁰

— У него и в молодости хороших стихов не было.⁷¹

...Блоку была не нужна слава. Он не знал, что с нею делать. А слава у него была. Китс написал, что слава капризная девчонка.⁷² Если стремиться к ней, просто ничего не выйдет. А Блок никогда не стремился. А вы верите, — вдруг говорит она, повернувшись ко мне, — когда хвалят ваши стихи? Я не верю. Просто никогда не верю. Мне кажется, что мне хотят сделать приятное. И я счастлива, просто счастлива, когда что-нибудь у меня ругают. Вот, например, многие ругают стихотворение о Маяковском. Тогда мне кажется, что если что-нибудь похвалят, то будет искренно. А, в общем не верю, совершенно не верю. Тут уже ничего не поделаешь. Я не сержусь, конечно, когда меня хвалят..

Я: и то, слава Богу.

— И то хлеб, — подхватила она, смеясь.

Я: но ведь вот вы только что говорили о славе. Если говорить о вас спокойно, как о третьем лице...

⁷⁰ Сохранилось незавершенное стихотворение Спасского «Брюсову»

Он сбросил шубу, котелок,
Поправил на ходу прическу
И в класс вошел. И вот мелок
О черную застукал доску.
Гортанный четкий говорок <...>

(РГАЛИ. Ф.3139. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 59; стихотворение, видимо, должно было описывать лекцию Брюсова в Студии стиховедения на Молчановке — ср.: Спасский С. Маяковский и его спутники. С. 132—133).

⁷¹ О резко отрицательном отношении поздней Ахматовой ко всему наследию Валерия Брюсова см.: Суперфин Г., Тименчик Р. Письма А. А. Ахматовой к В. Я. Брюсову // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 33. М., 1972. С. 272—279.

⁷² Fame, like a wayward girl... (John Keats. On Fame).

— Да, да, если о третьем лице, тогда хорошо...

... — то ведь вы имеете действительно настоящую славу. И притом сразу. Значит, должны научиться верить похвалам.

— Верно то, что слава пришла сразу. Это мне все испортило. Как может двадцатилетняя девчонка вдруг поверить в то, что она делает что-то значительное. Я сразу и не поверила раз навсегда. А когда мне показывают какие-нибудь японские переводы,⁷³ или что в Дублине обо мне говорят,⁷⁴ или в Италии такой-то (не помню) диссертацию по моему творчеству защищал, мне кажется, это здесь наговорили обо мне, а там просто подхватили.

Я: к сожалению ничем нельзя помочь *самому* поэту, если ему говорят, что кто-то живет его строчками.

— Да, да, это совершенно бесполезно. Это просто ничего не дает.

О том, что Вертинский поет на ее слова и еще перевирает.

— Это мне очень не нравится. Что ж, он хозяин, что хочет, то и делает.⁷⁵

Очень рутнула Борину жену.

— Активная пошлость.

Ворвалась уже в первом часу какая-то женщина довольно странного вида.⁷⁶ Я простился.

— Она просто сумасшедшая, — шепчет на ухо мне про посетительницу.

⁷³ Переводы Йонекава Масао, Нобори Сёму, Сёдзабуро Накаямы.

⁷⁴ Статья поэтессы Бланаид Солкелд (The Dublin Magazine. 1933. Vol. VIII. № 4). Ахматова упомянула о ней, как и о диссертации Томазо Ландольфи в разговоре с Исайей Берлином в 1945 году.

⁷⁵ Александр Вертинский положил на музыку три ахматовских стихотворения, внося в текст различные изменения: «Сероглазый король», «Лучше б мне частушки задорно выкликать» («Ее простое желание»), «Чернеет дорога приморского сада» («Темнеет дорога приморского сада»).

⁷⁶ Журналистка Ольга Георгиевна Базанкур-Штейнфельд (1879—1942/43), которой надписана фотография: «Ольге Георгиевне Базанкур от А. Ахматовой. 31 марта 1941 г.» (ИРЛИ. Ф. 15. Ед. хр. 806); покойный М. Д. Эльзон высказывал гипотезу о том, что она являлась автором резкой статьи начала 1920-х годов «Что такое ахматовщина», подписанной криптонимом «О. Б.» («Я всем прощение дарую...»: Ахматовский сборник. М.—СПб. 2006. С. 239—253).

— Когда я приеду из Москвы, я вам позвоню. Не будет ли у вас туда поручений?

Я сказал, что только привет Боре и Федину.

Удивительно и впервые совершенно просто чувствовал я себя эти часы. А. А. была новой для меня — блестящей, очаровательной. Несмотря на ее возраст, невозможно на нее насмотреться.

— Когда я состарюсь, — начал я что-то...

— Некоторым это удалось, — улыбнулась она.

Но старость не вяжется с ее обликом.

23 мая 1941 г.

Вчера был у Ахматовой — занес книгу.⁷⁷ Она выглядит хорошо.

— Чувствую себя лучше, чем можно было бы ожидать.

Разговор о поездке, о Москве, о Боре.

— Он произвел на меня очень горькое впечатление. Будто выбился из своего ритма. Бодрые фразы и совсем замученные глаза. Есть ли у него друзья в Москве?

Я говорю, что, по-моему, сейчас близких нет.

Она: это, очевидно, в связи с семейными делами.

О том, что зимой совсем было разошлись, а потом Зина испугалась, «приняла меры». Стихов он ей не читал. Сказал — мало. Вот будет потом много.

— А откуда он знает, что будет много? Я вот накануне ничего не могу сказать.⁷⁸

Потом опять вернулись к этой теме.

— Он мне напомнил время, когда приехал из Парижа, — на грани помешательства. Пришел ко мне, сказал, что в Москву не хочет ехать. Не хочет видеть ни Женю, ни Зину. Хочет остаться жить со мной. И теперь то же самое. «Я приеду в Ленинград, по-

⁷⁷ Роман «Перед порогом» (Л., 1941): «Анне Андреевне Ахматовой на память о встречах и разговорах».

⁷⁸ Ср.: «В июне 1941 г., когда я приехала в Москву, он сказал мне по телефону: «Я написал 9 стихотворений. Сейчас приду читать». И пришел. Сказал: «Это только начало — я распишусь» (Ахматова А. Записные книжки. М.; Torino. 1996. С. 129).

селою рядом. Будем вместе, будем жить весело. Будем работать». Когда он так говорит, это очень плохой признак. Значит, очень уж неумоготу дома. Поэму я читала у Фединых. Борис очень хорошо говорил: раньше ваша поэзия была оборонительная, а теперь плывет на читателя. Каждое слово хватает читателя. Каждое слово плавает в соке искусства. Очень по-пастернаковски сказал.

Я прочел ей стихи, посвященные ей. Заставила прочесть дважды. Очень понравились.

— В первом вы меня развенчали, во втором подняли. Первое очень самостоятельно, очень по-своему. Это разоблаченный, обратный мадригал, — улыбалась она. — Второе — прекрасно. Совершенно современное сознание.

И вдруг спросила:

— А это правда, то, что вы написали в первом?

Я: да, правда.

Странно было читать ей посвященные ей же вещи, сказал ей об этом. Говорил, что второе неожиданно пошло в сторону, вдруг открылся фон современности, на котором все проступает с особенной резкостью.

— Да, да... Разве можно избегать современности.

Говорит, что есть потребность написать друзьям, о друзьях, — такая потребность есть у каждого поэта. И у Блока было, и у Пастернака. Собрать вокруг себя всех близких.

Еще о моих стихах:

— И Чарли так виден.⁷⁹ Его жест.

⁷⁹ Ранее в стихотворение «Чаплин» (1937) дан образец киноэкфрасиса — попытка переложения сюжета «Новых времен» (Спасский С. Земное время. Избранные стихи. Л., 1971. С. 129—132). См. запись 18 мая 1939 г. после просмотра фильма «Ленин в 1918 году»: «Кино никогда полностью не удовлетворяет. За исключением тех случаев, когда оно средство для проявления замечательного человека-актера — Чаплина. А так это все же низкое искусство». Летом 1956 года Спасский в Доме кино посмотрел «Цирк» и «Золотую лихорадку» и оставил восхищенные отзывы об этих фильмах (РГАЛИ. Ф. 3139. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 10—12). Представляется, что одна из последующих его записей о Михаиле Зощенко, возвращающаяся к впечатлениям осени 1946 года, преломлена восприятием чаплинского универсума: «А мне вспомнилась его стремительно несущаяся фигурка, пролетевшая мимо меня по ул. Белинского в тот день, когда стены города были оклеены газетами с речью и постановлением. Худенькая,

Пошла к телефону, потом вернулась, улыбаясь.

— Идти на «Дворянское гнездо» в Александринский — слышали? По-моему, такого пути на свете нет.⁸⁰

Я спросил, не заходила ли к ней Павлович с поэмой о Блоке.

— Да. Я ей портсигар Александра Александровича подарила. Он мне совсем не нужен. Я только просила проверить, тот ли. У меня очень много портсигаров перебивало. А поэма... Есть неплохие места. Но она мне двух глав не читала. Там об уходе Блока из Союза поэтов.⁸¹ Мне рассказывали. Блок проти-

маленькая, озирающаяся на стены, словно все эти дома рушились на него» (Там же. Л. 13).

⁸⁰ Александринский театр был переименован в Театр имени А. С. Пушкина в 1937 году.

⁸¹ Главка «Без божества, без вдохновенья»:

Союз поэтов выбрал Гумилева,
А Блок за неспособность был смещен.
И Гумилев спокойно и толково.
Внедрял свой поэтический канон.
< ...> Три гостя утром посетили Блока.

Хозяин встал и не просил их сесть.
— Союз поэтов виноват глубоко,
Вернитесь к нам и окажите честь

Быть снова председателем Союза.
Крутом враги. Они вас не поймут.
У вас, у нас одно служенье музам,
Один язык и величавый труд.

Сомкнем ряды! За нами вся культура,
А что у них, у этих пришлых, есть? -
Но Блок смотрел внимательно и хмуро,
Но Блок молчал, не предлагая сесть,

И усмехнулся: - Николай Степаньч!
Ошиблись вы. На месте вы своем.
Мы разных вер, мы люди разных станов,
И никуда мы вместе не пойдём

От жизни отвернулись вы с презреньем,
Давно пустой вы стережете храм,
Без божества, без вдохновенья!
Скажите, что мне делать там?

(Павлович Н. Воспоминания об Александре Блоке // Новый мир. 1946. № 7—8. С. 122).

вопоставляется остальным, как представитель нового мира.⁸² Ну кому это нужно? И все было совершенно не так.

Часов около 12-ти прибежала та же сумасшедшая дама, что и в прошлый раз.

Я попрощался.

— И это теперь на всю ночь, - говорила, провожая, А. А. — А по-моему, вы первое стихотворение можете мне переписать.

— Я вам все перепишу.

⁸² См. также в варианте 1940 года главку пятую — «Союз поэтов»:

И отутюжен, вымыт, брит,
Склонялся Адамович,
Изящный стих, как смокинг сшит,
Остроты наготове.

И Пяст топорщился в углу,
Сердитый и смущенный,
А Гумилев шел в этот клуб
С враждою затаенной.

И странно было увидеть
В холодном гневе Блока.
Умел он в споре промолчать
Презрительно жестоко.

И волновалась молодежь,
И спорила часами
О том, что все мечтанья — ложь,
Что стукнулись мы лбами,

Что Блок совсем сошел с ума,
Зовет читать в районы,
И что поэзия сама
Создаст себе законы.

Что Маллармэ и Гумилев,
Стоят, как боги, рядом,
Пусть Горький за большевиков
— Нам Горького не надо.

Прочтем стихи! — По одному
Прочли стихотворенью.
Москвы я помню кутерьму
И братское волнение.

— Да, конечно, почему бы и нет. Ну, приходите поскорее.

1 июля 1941 г.

Были в далеком прошлом Сиверская, тихие, рабочие дни.
Где они? 22-го — удар грома. <...> 27-го — заседание поэтов.
С Ахматовой на набережной.

— Какой прекрасный город... Как вы напророчили.

— В чем?

А здесь — молчит угрюмый зал.
Глухое состязанье.
Здесь Гумилеву Блок внимал
В безмолвном отрицании.

И, молча, Блока слушал «Цех»,
Так чуждо, так прилично.
Был Гумилев надменной всех
В учтивости столичной.

Как два клинка, как два меча
Стихи скрестились к бою...
— Два мира бьются и молчат,
Два мира пред тобою.

.....

.....

«Революционный держите шаг!...
Неугомонный не дремлет враг...»

(в журнальной публикации 1946 года и в последующих ряд строк был опущен). В других главках поэмы Ахматова могла видеть иных своих друзей и знакомых, например, в главке одиннадцатой — «Маскарад»:

И обуянный и безумный,
Весь в опьянении стихом,
Входил поэт на праздник шумный
Полубиблейским женихом.

Он шел в толпе, как бы незрячий,
Покачивая головой,
Хранитель слов, а не растратчик,
Еврей, сдружившийся с Невой.

И Владислав, как уксус терпкий,
Кошачьи зол, кошачьи мал,
Острот сердитых фейерверком
Кружок соседей ослеплял

— Во втором стихотворении.

31 августа 1941 г.

Вчера был у Ахматовой. Больна. Постарела. Рассказывал.⁸³ Был Гаршин. Почему-то благодарила меня за то, что я его успокоил.

11 сентября 1941 г.

Частые тревоги. Вероничка ночует в убежище.⁸⁴ Сегодня перебралась туда же, не выдержав жизни на Фонтанке, Ахматова. Сейчас рассказывала мне, что три ночи провела в саду, в щели. Земля дрожала. Но чувство власти земли, с которой ничем и ничего нельзя поделаться.

13 сентября 1941 г.

Вчера был тихий день. Ночь тоже прошла спокойно. Заходила вчера Ахматова. Она ночевала у нас в дворницкой. Настоящая петербургская дворницкая. Звук ходиков.⁸⁵ Сегодня с утра

(РГАЛИ. Ф. 2833. Оп. 1. Ед. хр. 443. Л. 4, 10). О Надежде Александровне Павлович (1895—1980) и Ахматовой см.: *Тименчик Р.* Из «Именного указателя» к «Записным книжкам» А. Ахматовой // *Пути искусства: Символизм и европейская культура XX века.* М., 2008. С. 440—442; ср. в ее письме к З. Г. Минц от 9 января 1964 года: «Я с [Ахматовой] не переписываюсь и не общаюсь, она в обиде за Гумилева в моей поэме» (Научная библиотека Тартуского университета. Ф. 135).

⁸³ Спасский записался в народное ополчение, воевал в составе Кировской дивизии в районе станции Батецкая. После реформирования дивизии вернулся в Ленинград.

⁸⁴ Дочь Вероника Сергеевна Спасская (1933—2011) — впоследствии филолог-испанист, переводчик; ср.: «В Комарово приезжаем с Вероникой Спасской, дочерью поэта Сергея Спасского. Анна Андреевна знала Веронику еще девочкой» (*Готхарт Н.* Двенадцать встреч с Анной Ахматовой // *Вопросы литературы.* 1997. № 3—4. С. 299).

⁸⁵ Жилище дворника Моисея Андреевича Епишкина (1878—1941), погибшего через четыре дня при авиаударе. О нем как о понятии при аресте Н. А. Заболоцкого см.: К биографии Заболоцкого (lucas-v-leyden.livejournal.com/187534.html). Ср. также: «Только в огромных столичных домах со множеством обслуги старший дворник мог рассчитывать на настоящую квартиру, с удобствами и несколькими комнатами. В домовладениях попроще дворники довольствовались небольшой комнаткой — «дворницкой» — неподалеку от

ни одной тревоги. Вчера обедали в клубе. Потом пили кофе в «Норд» под завывание музыкантов, дважды исполнявших «Смейся, паяц!».

20 сентября 1941 г.

Чердак. Подвал. Вчера наблюдал слабое северное сияние. <...> Ахматова сидит в подвале. Беседы на чердаке со Шварцами.

25 сентября 1941 г.

Предложение Ахматовой лететь с нею. Невозможность этого. Хлопоты в Союзе. Дни одинаково застойные и тревожные в одно и то же время. Бомба в «Сов<етский> писатель». Позавчера.

28 сентября 1941 г.

Ахматова сегодня улетела. Возился с устройством ее дел.

30 ноября 1955 г.

На днях звонила А. А. и позавчера была у нас. Разговор о Есенине. «Его главная тема — собственный локон. Больше его интересует, чем любовь. В каком он состоянии».⁸⁶ О том, что воспоминания Рождественского — вранье. «Все, что я могу вспомнить о Блоке, я могла бы сосредоточить на двух-трех страницах... Я не бываю на вечерах памяти Блока,⁸⁷ так как все счита-

входа, под лестницей или под аркой ворот, а то и вовсе каким-нибудь углом. <...> расширявшиеся представления о гуманизме обязывали тех же дворников «давать у себя временный приют и обогревать» замерзающих от холода, т. е. бедняков и бездомных. Как исполнялось последнее предписание, неизвестно» (Демиденко Ю. Б. Петербургские дворники. СПб., 2013. С. 12, 7).

⁸⁶ Ср. запись Л. К. Чуковской 15 мая 1954 г.: «Слишком уж он был занят собой. Одним собой. Даже женщины его не интересовали нисколько. Его занимало одно — как ему лучше носить чуб: на правую сторону или на левую сторону?».

⁸⁷ Вечер воспоминаний о Блоке состоялся в Доме писателей — вступительное слово В. Н. Орлова, воспоминания Н. И. Комаровской, О. В. Гзовской, В. А. Рождественского, Г. П. Блока (Памяти А. Блока // Смена. 1955. 26 ноября). Состоялся также вечер в Таврическом дворце (выступали В. Н. Орлов, А. А. Прокофьев) и заседание в Пушкинском доме — доклад Д. Е. Евгень-

ют, что у меня был с ним роман и смотрят на меня с этой точки зрения».⁸⁸ Своими делами и жизнью довольна.

3 декабря 1955 г.

О воспоминаниях. А. А. говорила: — все вспоминают, что Блок был высокий и стройный. Таким он должен быть. А на самом деле он был среднего роста, широкоплечий, крепкий. Я никогда не смотрела на него снизу вверх. Правда, я носила высокие каблуки (однако, она забывает, что сама она высокого роста). А вообще, хорошо, что вспоминают Блока. А то кажется, что был только Маяковский.

— Здесь выступают люди, которые действительно знали Блока: Дельмас посвящена «Кармен» (хотя Дельмас не выступала)⁸⁹, Волоховой — «Снежная маска».⁹⁰ А в Москве ссорятся⁹¹ и фигу-

ева-Максимова, воспоминания В. А. Рождественского (Ленинградцы отмечают 75-летие со дня рождения Блока // Ленинградская правда. 1955. 29 ноября).

⁸⁸ Ср., например, воспоминания племянника Н. А. Нолле-Коган об открытии памятника Блоку в 1946 г.: «Была там и А. Ахматова. Моя мама указала мне на нее, пояснив, что она пришла, как и все, почтить память первого поэта их молодости, но и еще просто как женщина, любившая его» (Письмо Г. И. Озолинга В. Н. Орлову от 4 декабря 1979 г. // РГАЛИ. Ф. 2833. Оп. 1. Ед. хр. 207. Л. 4). Ср.: «Анна Ахматова, В. Рождественский, Н. Браун, Юрий Герман и другие возлагают на могилу поэта венки» (На Литераторских мостках // Вечерний Ленинград. 1946. 7 августа).

⁸⁹ Любовь Александровна Дельмас (ур. Тищинская, в замуж. Андреева; 1879—1969) — оперная артистка, адресат многих произведений Блока, вместе с которой он выступал «в Академии художеств в зиму 17—18 гг.» (Ахматова А. Записные книжки. С. 222), где Ахматова «видела, как он целовался с Дельмас» (Там же. С. 661; ср.: С. 673); ср. запись Л. К. Чуковской от 19 августа 1940 г.: «Дельмас я видела в самый момент их [с Блоком] романа, она вместе со мной выступала в Доме Армии и Флота. Порядочная, добрая, но неумная. Она была веснушчатая, рыжая, с некрасивым плоским лицом, но красивыми плечами, полная... (Он, по-видимому, любил, чтобы у женщин было всего много)». Л. А. Дельмас пришла на похороны Ахматовой.

⁹⁰ Актриса Наталья Николаевна Волохова (1878—1966) выступала на гражданкой панихиде у могилы Блока вместе с Спасским, А. Чивилихиным, Л. Плоткиным и другими (В ознаменование 75-летия со дня рождения А. Блока // Вечерний Ленинград. 1955. 29 ноября; в газете опечатка: «мастер художественного слова Н. Волохова»).

⁹¹ Ср. экспромт Марии Петровых:

рируют «вдовы» вроде Павлович и Книпович.⁹² П<авло>вич, знавшая Блока год, когда он был совсем больным человеком.

12 мая 1956 г.

Вчера звонила А. А. Приехала ненадолго из Москвы и сегодня опять уезжает, но думает потом вернуться основательно. Я хвалил ее корейские переводы, которые купил накануне. Она уверяла, что ничего не вносила, и подстрочники действительно

У Книпович
И Павлович
Вышла сколок
Из-за Блока

(Петровых М. Избранное. Стихотворения. Переводы. Из письменного стола / Сост., подгот. текста А. В. Головачевой, Н. Н. Глен. М., 1991. С. 340). Ср. сказанное Ахматовой о Евгении Федоровне Книпович (1898—1988) по записи Л. К. Чуковской от 1 июня 1956 г.: «Это настоящая леди Макбет». История ее злобнейшей закулисной деятельности в издательстве «Советский писатель» заслуживала бы небольшой, но поучительной монографии. Приведем лишь один пример из ее внутренне-рецензентской практики — отзыв на невышедший сборник Арсения Тарковского (1945): «А. Тарковский принадлежит к адептам того «черного пантеона», который воздвигнут в умах и сердцах довольно многих его сверстников. Гумилев, Мандельштам, Ходасевич соблазнили немало народу не только своим несомненным мастерством, но и своим сомнительным стоицизмом и скептицизмом, якобы «мужественной» позой перед лицом трудной и сложной жизни. Очень импонирует некоторым молодым поэтам это якобы «хозяйское», а на деле снобическое отношение к искусству, которое заключается в творчестве этих поэтов» (РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 10. Ед. хр. 10. Л. 57).

⁹² Ср. по этому поводу рассказ П. Г. Антокольского в письме к В. Н. Орлову от 4 декабря 1955 года: «25-го в Доме Литераторов был вечер воспоминаний об Александре Блоке. Председатель — Ив<ан> Алекс<еевич> Новиков прочел довольно милую, крайне старомодную речь и стихи о Блоке, с такой, например, строкой: — Он не солнечный... Он лунный...

Это было пристойно, гладко и скучно. Засим Н. А. Павлович прочла отрывки из своей поэмы, напечатанной в 46 г. в «Новом мире». Тоже, в общем, терпимо. За нею — Н. А. Коган, что было значительно хуже. Каким-то командующим, резким тоном эта дамочка докладывала, как она стелила постель своему гостю — Блоку в кабинете мужа, «Пэ Эс Когана» (так и сказала, дура). Очень обстоятельно доложила все автографы на книгах Блока, подаренных ей. Затем прелестно выступал Чуковский, — как всегда, прелестно. Затем — Ваш покор-

таковы. Но не внести ничего лишнего — тоже большое искусство. Спрашивала о Борисе, которого не видит совсем. — «Божью, эта дама нас окончательно поссорила».⁹³

11-го < июля 1956 г.> позвонила А. А., и я зашел к ней. Она очень пополнила. Показывала письмо Фадеева о ее переводах,

ный слуга. За мной — В. Б. Шкловский: очень темпераментно, но мысли его я не понял. Но выступление было писательское, заинтересованное, кровное — по отношению к теме. Затем начался дикий балаган, виновник его — пьяный, маразматический С. Городецкий, к^{ото}рого, конечно, нельзя было выпустить, и это, пожалуй, моя вина. Он плел несусветную чушь, а сверх того пытался лягать кого попало, назвал Союз Писателей «идиотским союзом». В этот момент Новиков почувствовал себя «утомленным» и переложил на меня бремя председательствования. Я трижды обрывал Городецкого, призывая его к порядку, дважды лишал его слова. Вдруг он бросился к сидевшему в первом ряду Ю. Верховскому, стал его целовать, гладить и чесать ему бороду. Публика, падкая на все, от души веселилась, и мы, сидевшие в президиуме, вынуждены были терпеть, понимаете — ТЕРПЕТЬ!!!

Вот, милостивый государь, какое происшествие! Прямо вроде как из «Бесов» Достоевского... Помните „Merci“ Кармазинова и последующие события?

Вечер 29-го в зале Чайковского, в общем, был вполне хорош и пристроен. Даже С. Городецкий явился, как мокрая мышь, и вполне тверезый и умолял его выпустить на трибуну. Федин сказал эффектную, но внутренне равнодушную речь. Я прочел сокращенный вариант доклада 46 года. Тихонов говорил отлично. Луконин тоже. Алигер немного затянула. Рыльский сказал несколько общих слов, потом прочел хорошие переводы («Пушкинскому дому», «Грешить бесстыдно, непробудно...») и «О, я хочу безумно жить»). Кирсанов очень эффектно и по-своему прочел «Под насыпью, во рву некошенном», «Вновь оснеженные колонны», «Черный ворон в сумраке снежном». К. Чуковский повторил сказанное 25-го — у него был наибольший успех. Потом выступал С. Чиковани, Межиров, и наконец, С. Городецкий, прочитавший без запинки свою статью, напечатанную в «Известиях». Вся эта торжественная часть тянулась более 2-х с половиной часов. Так что аудитория была сильно измотана. Надо сказать, что каждый из выступавших по мере сил вылезал из всякого регламента. Концерт был очень плох. О нем сказать нечего, да я не стал его слушать, с середины ушел. Вечера — продолжают. Чуть ли не 12-го будет еще в Доме художников» (РГАЛИ. Ф. 2833. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 6—7об.; о стих. И. А. Новикова «Блок не солнечный, а лунный... см.: Гельперин Ю. Цит. соч. С. 582).

⁹³ Ольга Всеволодовна Ивинская.

написанное незадолго до смерти.⁹⁴ Ф<адеев> словно хотел оставить после себя добрую память и усиленно занимался приведением в порядок дел и рассылкой писем.

Рассказывала о выступлении Суркова на армянской декаде.

Очевидно, Сурков активно подхватил новые веянья и хочет быть деятелем нового типа.

Он писал А. А. о том, что надо издавать ее книгу,⁹⁵ в связи с чем она и направляется опять в Москву. Сын, недавно вернувшийся, поехал отдыхать в Луки.⁹⁶

Рассказывала, как во время бомбежки в 41 году попала в бомбоубежище, бывшее на месте прежней «Бродячей собаки».

⁹⁴ Письмо от 27 апреля 1956 г.: «Дорогая Анна Андреевна! Сердечно благодарю Вас за книгу переводов корейской классической поэзии. Читали их вместе с Е.Ф.Книпович с большим удовольствием. Переводы - выше всех похвал. Желаю Вам здоровья и крепко жму Вашу руку». Переводы корейских поэтов были надписаны ему за две недели до того: «Александру Александровичу Фадееву - большому писателю и доброму Человеку».

⁹⁵ Ср. запись Л. К. Чуковской от 14 июня 1956 г.: «Анна Андреевна хотела показать мне письмо от Суркова <...> Это было довольно длинное, хотя и беглое послание, написанное карандашом, поспешным почерком, на закрытии армянской декады, где побывала Анна Андреевна; там совершался обряд «подведения итогов». Письмо возвещает, что назрело время (эти два слова подчеркнуты жирной чертой) переиздать стихотворения Ахматовой. <...> По словам Анны Андреевны, Сурков произнес очень смелую речь. Он заявил, что в докладе Жданова были, оказывается, ошибки: напрасно, например, охаяны Серапионы, Лунц; литература тридцатых годов не отразила, к сожалению, ежовщину (почему бы это, интересно?); Институт Мировой Литературы не создал историю литературы; Советская Энциклопедия никуда не годится — и т. д.

— А теперь я покажу вам фокус, — сказала Анна Андреевна, окончив излагать речь Суркова. Из той же сумки она достала газету и протянула мне. — Раз, два, три! Читайте — вот тут, на сгибе.

Я прочла:

«С большой речью выступил тов. А. А. Сурков».

— Совершенная правда, — сказала Анна Андреевна. — Пресса не лжет. Я свидетель. В самом деле выступил, в самом деле Сурков и в самом деле с большой. Точка. Все».

⁹⁶ В городе Великие Луки жил друг Льва Гумилева Василий Никифорович Абросов, которому Ахматова через три года надписала свой сборник — «Лучшему другу нашей семьи с самыми светлыми чувствами». Л. Н. Гумилев был освобожден из лагеря 11 мая 1956 г.

Это по поводу романа Бори, где множество совпадений такого рода.

«А они, в сущности, ничего не значат».

Говорила о встрече слевой. Была у нее какая-то ее давняя знакомая, мне до сих пор неизвестная.